

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. г.
15 Сентября.

№ 9.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВЪ. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.
ПРОФ. Б. В. ЧРЕДИНЪ. ТАКЪ БЫЛО
ПРЕЖДЕ.
А. ФЕДОРЧЕНКО. СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.
А. КРАНДІЕВСКАЯ. НЕПРИМИРИМОЕ.
А. ПОЙМИНОВЪ. ГЕРЦЕНЪ И НАША РЕ-
ВОЛЮЦІЯ.

ПРОФ. П. П. ГЕНЗЕЛЬ. РАЗГРУЗКА ИЛИ
ИЗМѢНЕНІЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПО-
ЛИТИКИ?
Т. СОРОКИНЪ. СТРАДАЮЩАЯ БЕЛЬГІЯ.
ПРОФ. М. Н. СОБОЛЕВЪ. ЛЕЧЕНІЕ ФИ-
НАНСОВОЙ РАЗРУХИ.
Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢ-
НІЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Солянка, д. 1, кв. 88.
Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати».

ЦѢНА 30 КОП.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

Листки из дневника.

I.

Какія тучи ползли по небу! Нѣтъ, не ползли, а бѣжали, какъ гигантскіе лохматые звѣри. И вѣтеръ жестоко и злобно рвалъ плащи съ прохожихъ. Мимо, громяхая, промчался трамвай, и я видѣлъ, на немъ висѣли, цѣпляясь кое-какъ, петербургскіе граждане безъ шляпъ. Это шутникъ-вѣтеръ обнажилъ головы торопящихся горожанъ.

Замученный осеннею лихорадкою, Петроградъ ждалъ своей судьбы покорно, не гадая о будущемъ.

Вѣдь, всѣ такъ устали; вѣдь, всѣмъ такъ хотѣлось уйти домой, положить локти на столъ, закрыть глаза на минуту, на одну минуту хотя бы: но буйный вѣтеръ не давалъ покоя. И такой же вѣтеръ, вырываясь изъ подполья, потрясалъ и расшатывалъ неколебимый когда то градъ Великаго Петра. Конечно, не русскіе люди звали на голову свою гибель и старались свалить въ бездну, къ чорту, великолѣпный городъ; конечно, бѣсы, обратившіеся въ свиней, а иногда и вовсе безобразные, въ личинахъ, но безъ лица, правили свой праздникъ, торжествуя до срока.

Поднявъ воротникъ и запахнувъ плащъ, бродилъ я по моему любимому городу, припоминая тѣ дни, когда проклятое самодержавіе готовило намъ нынѣшній позоръ. Изживъ себя до конца, самодержавный порядокъ жадно и слѣпо цѣплялся костлявыми своими пальцами за давно ужъ истлѣвши скипетръ. Теперь мы пожинаемъ плоды его гнусныхъ предсмертныхъ вождѣленіи.

Взбунтовавшіеся рабы! Вотъ кого оставилъ намъ въ наслѣдство безбожный порядокъ, душившій въ народѣ сознаніе, совѣсть и вѣру.

Эти рабы научились презирать и ненавидѣть свою безправную родину, а получивъ, наконецъ, свободу, охмелѣли дико.

Но развѣ можно потерять вѣру въ народъ, подарившей міру безмѣрныя духовныя сокровища? Вѣдь мы, по рабской своей привычкѣ, стыдясь своего положенія безправныхъ гражданъ, всегда—и такъ нелѣпо—старались увѣрить Европу, что мы лишь робкіе ея ученики. Это—мы, сыны того народа, который устами Достоевскаго пророчествовалъ воистину, какъ власть имѣющій. Весь міръ слушалъ, слушаетъ и будетъ слушать этотъ необычайный голось. А такъ называемая «революціонная» интеллигенція наша, преклоняясь передъ прелестью вѣнско-берлинской цивилизации, понимала ли что-нибудь въ этомъ пророчествѣ?

Вонъ стоитъ на углу Николаевской и Невскаго интеллигентъ жиденькаго вида, тоже безъ шляпы, которую сорвалъ сумасшедшій вѣтеръ и раздавилъ, должно быть, шальной автомобиль.

— Почему они не опубликовываютъ секретныхъ договоровъ? Почему тянутъ войну? Довольно лилась пролетарская кровь! У пролетаріевъ нѣтъ отечества...

Рябой солдатъ одобрительно киваетъ головой.

— Само собою—нѣтъ отечества...

Подходятъ все новые и новые граждане.

— Рига взята. Подумаешь, тоже—бѣда какая. Ана что намъ Рига?

— Само собою—Рига нѣмецкая.

Простодушный патриотъ, съ фунтикомъ сахара подъ

мышкой, не выдержавъ, вмѣшивается въ опасный разговоръ.

— Какъ же ничего, что Рига взята?.. Вѣдь, если мы такъ отступить будемъ, онъ и всю Россію возьметъ... А сколько онъ забралъ тамъ, въ Ригѣ, припасовъ всякихъ... Мы везли, везли отсюда, а теперь все пропало. Какъ же такъ? Свое достояніе отдать... Легко ли?

— А кто Ригу отдалъ? Корниловъ отдалъ... На московскомъ совѣщаніи обѣщавъ отдать... А вы все на товарищѣй,—впутывается юркій международный человѣкъ, тѣсня животикомъ патриота.

— Да, вѣдь, неправда это!—стонетъ патриотъ, изнемогая.

— А ты тамъ былъ? Видалъ что ли, какъ Ригу сдавали?—самодовольно уничтожаетъ наивнаго чело-вѣка многоопытный писарь.

Хлынулъ дождь и разогналъ осеннихъ республиканцевъ по подворотнямъ. Тамъ тоже митинги.

— А жидамъ и на руку. Они рады-радехоньки, что православную землю на части рвутъ. Вотъ, смотри, придетъ хозяинъ. Онъ ихъ разсудитъ,—бормочетъ загадочно корявая старушонка, не боясь республиканскихъ сыщиковъ.

— Вчера стою въ хвостѣ, а онъ мнѣ бумажку суетъ. Я ее въ корзину, гдѣ капуста цвѣтная...

— Да кто онъ? Говори толкомъ, матушка...

— Да кто его знаетъ. Шныряетъ вездѣ. У насъ въ хвостѣ я его три раза видѣла. Морда есть, а личности вовсе нѣтъ. Разсказать трудно.

— А бумажка какая?

— Вотъ я про то и говорю. Сунула ее въ капусту. Прихожу домой. Говорю швейцару: прочти. А въ бумажкѣ сказано, что Керенскіи за одно съ господами противъ народа. Кто его знаетъ. Можетъ, и правда. Только что у этого проворнаго личности все-таки нѣтъ: морда, однако же, есть. Запомнила.

II.

Вечеромъ дождя не было. Шагая по непросохшимъ лужамъ, спѣшили куда то «морды», и цѣлыя тучи проституттокъ фианировали по тротуарамъ. Никогда я не видалъ такого множества проституттокъ. Одна изъ нихъ забралась на тумбу и, подобравъ высоко платье, кричала съ мрачной веселостью:

— У насъ нѣтъ отечества.

Вотъ у этихъ несчастныхъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ отечества. Вотъ онъ, вождѣлѣнный «третій интернациональ». Это ужъ равеніе не только по нищетѣ, это равеніе по позору.

Петроградъ! Дивный мой Петроградъ! Не продаешься ли и ты съ публичнаго торга!

Ужиналъ у моего пріятели, петербургскаго журналиста, Н. П., и бесѣдовали мы съ нимъ все на ту же тему: гдѣ революція? Гдѣ социализмъ? И почему какія-то грязныя руки захватили когда-то чистое знамя?

Загребѣлъ телефонъ. Нервною рукою, тряхнувъ съдыми кудрями, взялъ трубку Н. П., не подозрѣвая, какъ и я, какія чрезвычайныя новости доведется ему услышать.

А новости въ самомъ дѣлѣ были чрезвычайныя. Сообщали о томъ, что генераль Корниловъ идетъ на Петроградъ. Я представилъ себѣ этого генерала, какимъ я видѣлъ его на московскомъ государственномъ совѣщаніи. Говорилъ онъ тогда воистину, какъ «пер

вый солдат» революционной армии. Одно для него было важно—спасти Россію. Нѣтъ, это не самолюбивый демагогъ, играющій судьбою родины. Неужели онъ—мятежникъ, возставшій противъ освободившейся отъ самодержавія Россіи? Неужели въ самомъ дѣлѣ челоуѣкъ съ такимъ лицомъ и такою рѣчью мрачный заговорщикъ, мечтающій о реакціи и возвратѣ къ старому позору? Не закружилась ли Россія въ такомъ постыдномъ самообманѣ, что друзей готова признать за враговъ, а враговъ за друзей?

Эти соблазнительныя и страшныя мысли—у кого не возникали онѣ въ тотъ недоумѣнный часъ? Какъ! Керенскій и Корниловъ не вмѣстѣ, а другъ противъ друга? Кто же они? Враги? А, можетъ быть, они *соперники*...

Теперь, когда я пишу эти строки, многое выяснилось. И теперь я уже знаю точнѣе и лучше сущность этого акта многоактной російской драмы.

Вопросъ о *диктатурѣ*, однако, такъ и остался открытымъ. А между тѣмъ надо рѣшить этотъ вопросъ, во чтобы то ни стало, или, махнувъ на все рукою, ждать безславнаго конца. Не приходится теперь думать о томъ, нужна или не нужна диктатура, а приходится рѣшать спѣшно, какая диктатура лучше—диктатура Временнаго Правительства или солдатскихъ совѣтовъ, или «большевистскаго» комитета или какого-нибудь еще притаившагося во мракѣ «совѣта черной сотни». Безъ диктатуры намъ не обойтись, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ правопорядка, всегда будетъ диктатура, какъ естественное стремленіе націи къ государственному единству. Правопорядка у насъ нѣтъ—кто въ этомъ сомнѣвается? Стало быть, нужна единая власть, облеченная чрезвычайными полномочіями, безусловная и твердая, беспощадная и рѣшительная, но угадывающая правосознаніе народа. Такая власть и есть диктатура. Несмотря на добрыя намѣренія свои, Временное Правительство, декретируя республику до созыва Учредительнаго Собранія, сдѣлало шагъ небезопасный: враги республики теперь могутъ сказать съ немалымъ злорадствомъ: «Такъ вотъ какова республика. Республика—это развалъ государственности, самосуды, голодъ, финансовый крахъ, торжество невѣжества, глумленіе надъ свободой, бессмысленная взаимная ненависть различныхъ социальныхъ группъ, предательство на фронтѣ, продажность, расхищеніе казны и позоръ гражданской войны». И, пожалуй, какой-нибудь благоразумный и доброжелательный республиканецъ скажетъ въ одинъ прекрасный день: «Нѣтъ, господа министры Временнаго Революціоннаго Правительства, вы напрасно поспѣшили назвать почтеннымъ именемъ республики анархическій безпорядокъ, царствующій нынѣ въ Россіи. Республика, и тѣмъ болѣе демократическая республика, предполагаетъ стройный правопорядокъ, крѣпкую государственность и свободу, обеспеченную закономъ и представительствомъ народа. Ни государственнаго единства, ни правопорядка, ни народнаго представительства, ни свободы въ Россіи нѣтъ—при чемъ же тутъ республика? Нельзя нынѣ Россію назвать республикой только потому, что она перестала быть монархіей, ибо сейчасъ имѣется только одно—то, что умственная чернь называетъ «углубленіемъ революціи» и что честные республиканцы и социалисты должны назвать «предательствомъ дѣла европейской демократіи на радость берлинскимъ реакціонерамъ».

Временное революціонное правительство въ своемъ

первомъ либеральномъ составѣ совершило преступную ошибку, усвоивъ почему-то ложную идею, что во время революціи надо дѣйствовать такъ же, какъ при установившемся республиканскомъ строѣ. Революція не правопорядокъ. Революція по самому существу своему есть выходъ изъ всякаго государственнаго строя на какой-то срокъ для подготовки новаго порядка и новаго строя. Но смѣшно и наивно во время бури дѣйствовать такъ, какъ будто бы вокругъ лазурь и тишина. Если капитанъ въ злую непогоду будетъ кого-то убѣждать и кого-то просить, вмѣсто того, чтобы повелѣвать, корабль пойдетъ ко дну. Временное революціонное правительство, до установленія Учредительнымъ Собраніемъ новаго свободнаго строя, должно быть облечено чрезвычайными полномочіями, то-есть обладать диктаторскими правами. Почтенный либерализмъ не умѣстенъ тогда, когда охмелѣвшая чернь, руководимая предателями, разрушаетъ государство, когда создается не единая диктатура правительства а многоликая диктатура безчисленныхъ совѣтовъ и комитетовъ, которые глумятся надъ правомъ во имя своихъ партийныхъ или провинциальныхъ интересовъ.

«Большевики», требующіе диктатуры пролетаріата, болѣе послѣдовательны въ своей тактикѣ, чѣмъ слишкомъ гуманное и сантиментальное наше правительство, до сихъ поръ не разгадавшее, что ему одному принадлежитъ право на единую власть. Бываютъ такіе дни въ исторіи, когда слова перестаютъ звучать убѣдительно; бываютъ такіе дни, когда всѣ становятся равнодушными къ судьбѣ родины и свободы: тогда нуженъ ужасъ. Тогда нужно, чтобы жестокии морозъ сковалъ раскисшую распутившуюся осеннюю слякоть. Надо что-то сдѣлать чтобы люди очнулись отъ лѣниваго и тяжелаго сна, въ которомъ они дремлютъ постыдно. Ихъ можетъ разбудить лишь ударъ бича. Пусть будетъ ужасъ и страхъ. И это будетъ лучше, чѣмъ позорная лѣнь и политическій развратъ вольноотпущенниковъ, предающихъ и родину, и свободу.

III.

На Петроградской сторонѣ, у Тучкова моста, въ садикѣ около Владимірскаго собора, сидѣлъ я съ двумя солдатами въ тотъ самый вечеръ, когда со всѣхъ концовъ летѣли вѣсти о «наступленіи» на столицу генерала Корнилова.

Одинъ солдатъ былъ худощавый малый, жилистый и горбоносый, бритый, съ блѣдными губами и острыми безпокойными глазами, другой былъ коренастый, лохматый, бородачь и курилъ степенно трубку.

Горбоносый читалъ газетку и презрительно ухмылялся. Иногда онъ искоса поглядывалъ на меня съ явнымъ желаніемъ поговорить.

— Да,—сказалъ онъ, наконецъ:—Вотъ и дождались. А еще писали въ буржуазныхъ газетахъ, что нѣтъ никакой контръ-революціи. Да и какъ ей не быть? Кому охота отъ своихъ привилегій отказываться.

— А что значить контръ-революція?—спросилъ я, искренне недоумѣвая.

— А!—засмѣялся горбоносый, показывая гнилые зубы:—Вы, значить, корниловецъ. Очень пріятно.

— Извините, гражданинъ, корниловецъ я или не корниловецъ, я самъ не знаю. Съ генераломъ этимъ я не знакомъ. Что онъ задумалъ, Богъ его знаетъ. Одно только меня удивляетъ: ежели онъ въ самомъ дѣлѣ врагъ свободы и новаго порядка, зачѣмъ онъ съ Временнымъ Правительствомъ какіе-то разговоры вель.

Пришелъ бы молча, да и арестоваль всѣхъ министровъ. Такъ поступаютъ заговорщики, а, вѣдь, онъ совсѣмъ по-другому дѣйствовалъ.

— Не сообразилъ, вотъ и все,—пробормоталъ солдатъ, дернувъ плечами:—Мы ему теперь покажемъ. Головы ему теперь, извините, не сносить.

— Возможно,—согласился я:—Вы, значить, гражданинъ, сторонникъ смертной казни.

— Нѣтъ, я за отмѣну стоялъ.

— А какъ же вы относительно головы генерала Корнилова разсуждали?

Горбоносый громко засмѣялся.

Тогда въ разговоръ вмѣшался другой солдатъ, бородатый и лохматый, котораго я почему-то назвалъ въ душѣ древляниномъ.

— Голову снесешь, а тамъ, глядишь, и другія покатыя. Такъ оно и будетъ. Только бы начать, а тамъ и пойдетъ, и пойдетъ.

— Ну такъ что жъ, товарищъ. Вы, я вижу, не очень сознательны...

— Сознательный, не сознательный!—перебилъ древлянинъ горбоносаго:—Васъ тутъ въ городѣ кто обучалъ? Видали мы вашихъ учителей! Народъ легкій. Дунешь—его и нѣту. А мы къ землѣ попривыкли. Намъ бы что покрѣпче.

— Ничего понять нельзя, о чемъ вы говорите, товарищъ,—разсердился горбоносый.

— А я къ тому говорю,—сказалъ древлянинъ, очевидно, не смущаясь своей непослѣдовательностью:—Я къ тому говорю, что безъ драки дѣло не обойдется. Оно, можетъ, и лучше. У насъ бѣда оттого, что сила лишняя есть. Солдатъ очень много. Мы сами себя тѣсимъ.

— Я вамъ говорю про контръ-революцію, а вы...

— Ступай ты къ со своей контръ-революцией,—неожиданно обругалъ собесѣдника бородачъ:—я съ тобою, с..... с..., по-русски говорю, а ты мнѣ по-нѣмецки...

— Вотъ она какая деревня,—сказалъ горбоносый, обращаясь ко мнѣ за сочувствіемъ...

Въ тотъ день, когда опредѣлилась неудача генерала Корнилова и правительство объявило его врагомъ отечества и контръ-революционеромъ, я былъ случайно въ Зимнемъ Дворцѣ.

Я сидѣлъ въ кабинетѣ со знакомымъ интеллигентомъ, нервнымъ утомленнымъ жизнью петербургскимъ человѣкомъ, волею судьбы, оказавшимся около власти. Странно его было видѣть въ его сѣренькомъ пиджачкѣ здѣсь, въ монументальной обстановкѣ дворца, за массивнымъ столомъ, въ великолѣпномъ креслѣ.

Мы говорили съ нимъ о судьбѣ генерала Корнилова. Теперь, когда выяснилось положеніе правительства и слѣдственная коммиссія, получивъ директивы, выѣхала въ ставку, знакомый мой интеллигентъ, какъ будто внушая самому себѣ мысли, твердилъ официальныя слова о контръ-революціи совсѣмъ такъ, какъ горбоносый солдатъ на Петроградской сторонѣ.

Но вдругъ, схватившись за голову, онъ вскочилъ съ кресла и забѣгалъ по кабинету со стономъ, какъ будто изнемогая отъ мучительной зубной боли.

Потомъ онъ остановился передо мною блѣдный, жалкій и дрожащій и прошепталъ безкровными губами:

— Неужели мы его казнимъ? Господи!

Георги Чулковъ.

ТАКЪ БЫЛО ПРЕЖДЕ.

Въ години всенародныхъ бѣдствій сумракъ, которымъ покрыто будущее, сгущается до непроглядной темноты. Взоръ тщетно старается проникнуть сквозь непроницаемую завѣсу. Обычное предвидѣніе того, что станетъ на другой день, оказывается бессильнымъ. Устои, на которыхъ зиждется жизнь народа и государства, частью расшатаны до основанія, колеблются и угрожаютъ паденіемъ, частью повержены въ прахъ. Но трудно жить однимъ настоящимъ мгновениемъ. Когда все, повидимому, рушится, невольно и съ особой силой возникаетъ вопросъ—а что будетъ завтра? Какъ отвѣтить на него? Гдѣ искать отвѣтъ?—И вотъ само собою приходитъ на мысль обратиться къ прошлому, въ которомъ отложенъ опытъ народовъ, пережившихъ времена бурь, потрясеніи и гнѣва.

Какъ создается чрезвычайная единоличная власть и насколько она прочна? Этотъ вопросъ требуетъ разрѣшенія и волнуетъ многихъ при видѣ попытокъ къ ея созиданію. Отвѣтить на него—значить немного приподнять завѣсу, которой скрыто будущее отъ человѣческаго взора. Во всей своей сложности онъ не можетъ быть разрѣшенъ съ исчерпывающей полнотой. Вѣдь для этого пришлось бы просмотрѣть опыты всѣхъ странъ и народовъ, черезъ смуты и волненія пришедшихъ къ установленію этой власти и посредствомъ нея пытавшихся достичь прочнаго правопорядка. Не будетъ однако бесполезнымъ вспомнить, какъ создавалась чрезвычайная единоличная власть хотя бы у одного народа въ одинъ изъ периодовъ его истории. Небезполезно подвергнуть обзорѣню даже отдѣльныя событія изъ жизни какого-либо народа въ смутное время, событія, незначительныя и мелкія въ отдѣльности, но отражающія на себѣ настроеніе современниковъ и вошедшія, какъ бы малы они ни были, въ общую цѣпь явленій давно законченной драмы.

Эпоха паденія римской республики даетъ разительные примѣры того, какъ и при какихъ условіяхъ въ обществѣ утверждается чрезвычайными мѣрами правопорядокъ. Личность Цезаря, заложившаго основы новаго строя римскаго государства, особливо привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Здѣсь не мѣсто разбирать всѣ сложныя условія, въ которыхъ протекала его жизнь, не мѣсто разбирать всю его дѣятельность въ цѣломъ, не мѣсто, наконецъ, сопоставлять и проверять дошедшіе до сего времени источники. Задача этой замѣтки болѣе скромная—привести и обсудить, сколь возможно кратко, лишь нѣкоторые факты, особенно ярко указывающіе на то, что именно происходитъ, когда сильная духомъ личность дѣлаетъ попытку учинить государственный переворотъ и принять власть въ свои руки. Плутархъ сообщаетъ нѣкоторые изъ такихъ фактовъ.

Передъ переворотомъ, произведеннымъ Цезаремъ, въ управленіи Рима господствовалъ хаосъ. Народъ спорилъ изъ-за кандидатовъ на должности не голосованіемъ, а стрѣлами, мечами и пращами. Забрызгивая часто трибуны кровью труповъ, граждане представляли республику своей участи, и при анархи она неслась по волнамъ, какъ корабль безъ кормчаго. Среди безумій и страшныхъ волненій многие уже осмѣливались говорить публично, что вылечить республику, можетъ одна монархія, и что слѣдуетъ принять то лекарство, которое подноситъ самый гу

манной изъ врачей. Такъ намекали на Помпея, противника Цезаря.

Итакъ, въ народѣ было недовольство существующимъ порядкомъ, было броженіе, указывалось направление, въ которомъ долженъ произойти переворотъ, былъ указанъ, наконецъ, предполагаемый вождь переворота. Но этого еще недостаточно было для того, чтобы переворотъ въ дѣйствительности совершился такъ, какъ этого хотѣлось бы его сторонникамъ. По замѣчанію Еврипида, словомъ можно сдѣлать то же, что силою оружія. Въ этомъ замѣчаніи сказывается старинная вѣра человечества въ магическую силу словъ. Но на самомъ дѣлѣ побѣждаетъ не тотъ, кто говорить, а тотъ, кто дѣйствуетъ, имѣя за собой вооруженную силу. Помпей нисколько не заботился о сборѣ войскъ, какъ будто ему нечего было бояться, и думалъ, что достаточно будетъ вести борьбу съ Цезаремъ въ политикѣ словами и мнѣніями, на который тотъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Но что же Цезарю давало основанія поступать такимъ образомъ? Разсчитъ на опредѣленное настроеніе его войскъ. Плутархъ сообщаетъ знаменательный въ этомъ отношеніи случай.

Одинъ изъ присланныхъ Цезаремъ центуріоновъ—самъ Цезарь былъ въ Галліи—стоялъ передъ зданіемъ Сената во время происходившаго тамъ засѣданія. Узнавъ, что Сенатъ не соглашается дать Цезарю срокъ власти, онъ ударилъ рукой по рукояткѣ меча и сказалъ: «Вотъ, кто дастъ!» Многое сказано этимъ краткимъ восклицаніемъ—полное пренебреженіе къ держащей власти, отрицаніе законныхъ средствъ къ защитѣ своихъ домогательствъ, убѣжденіе въ томъ, что единственный путь, приводящій къ успѣху, есть путь не словъ, но вооруженной борьбы. Мечъ дастъ побѣду, и вмѣстѣ съ ней осуществятся надежды. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что солдаты надѣялись приобрести за свою службу земельные участки.

Цезарь учелъ это настроеніе. Не безъ колебаній онъ принялъ рѣшеніе. Но разъ оно было принято, жребіи брошенъ и Рубиконъ перейденъ, для сомнѣній не оставалось больше мѣста. Наступила пора дѣйствія. Войска были двинуты имъ къ Риму. Вездѣ—на морѣ и сушѣ—были отворены широкія ворота войны.

Но что же происходило въ это время въ Италиі, что творилось въ Римѣ, что предпринялъ Помпей?—По Италиі можно было видѣть бѣгущихъ въ ужасѣ не отдѣльныхъ мужчинъ или женщинъ—цѣлыя города, подымаясь, какъ бы проходили одни черезъ другіе.—Римъ, переполненный бѣгущими со всѣхъ сторонъ жителями окрестностей и переселявшимися въ него, былъ, казалось, наводненъ потоками и съ трудомъ могъ повиноваться тому, кто имъ управлялъ, или слушаться голоса разсудка. Среди страшной бури и смятенія, онъ едва не погубилъ самъ себя. Всюду царилъ вражда партій и волненія, соединенныя съ насиліями. Не были спокойны даже тѣ, кто радовался близкому перевороту. Они устраивали сходки во многихъ мѣстахъ столицы съ тѣми, кто боялся и падалъ духомъ, и, гордые своими выгодами въ будущемъ, спорили между собой. Помпей издалъ эдиктъ, гдѣ говорилъ, что видить всюду одинъ безпорядокъ, и покинулъ столицу, приказавъ Сенату слѣдовать за собой и запретивъ оставаться кому-либо изъ тѣхъ, кто предпочиталъ отечество и свободу самовластію. Консулы бѣжали. Бѣжало и большинство

сенаторовъ. Приверженцы Помпея, считая отечествомъ мѣсто своего изгнанія, покидали Римъ, какъ станъ Цезаря. Были лица, горячіе сторонники Цезаря прежде, но и они въ то время, внѣ себя отъ ужаса, безъ всякой нужды, были увлечены бурнымъ потокомъ. Крайне печальное зрѣлище представлялъ собою городъ передъ приближеніемъ опасной бури,—онъ походилъ на корабль, брошенный отчаявшимися кормчими на произволъ судьбы.

Безъ кровопролитія, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, Цезарь сдѣлался повелителемъ всей Италиі. Въ Римѣ населеніе нѣсколько успокоилось. Отдѣльные бѣглецы даже вернулись обратно. Но Помпей не былъ побѣжденъ окончательно. Для борьбы съ нимъ Цезарь нуждался въ денежныхъ средствахъ. Народный трибунъ Метеллъ не позволялъ ему брать деньги изъ государственнаго казначейства, ссылаясь на нѣкоторые законы, но Цезарь оговѣтилъ, что «оружіе и законы не соизмѣримы». Замѣчательный самъ по себѣ отвѣтъ Цезаря нисколько не указывалъ бы однако на глубину произведеннаго имъ переворота, если бы онъ произнесъ только эти слова. Въ нихъ слышится одно лишь отрицаніе стараго права, ничего положительнаго они въ себѣ не заключаютъ. Попутно вспоминаются подобныя же слова Марія, блестящаго римскаго полководца и ненавистнаго полигическаго дѣятеля. Въ одномъ изъ его распоряженій было усмотрѣно нарушеніе закона. На обвиненія нѣкоторыхъ лицъ Маріи отвѣтилъ, что «звукъ оружія помѣшалъ ему разслышать голосъ закона». Слова Марія умѣреннѣе отвѣта Цезаря. Въ нихъ заключается личное оправданіе его дѣйствія. Цезарь идетъ дальше. Онъ принципиально отрицаетъ для себя необходимость считаться съ законами, если сила въ его рукахъ. Ничто не мѣшаетъ ему услышать голосъ закона. Онъ просто не хочетъ его слушать. Но Цезарь въ своемъ отвѣтѣ Метеллу на этомъ не остановился. Кромѣ отрицанія прежняго правопорядка онъ утверждаетъ за собою право,—по его мнѣнію право, въ дѣйствительности, на его сторонѣ, по его мнѣнію сила оружія есть вмѣстѣ съ тѣмъ сила права. «Если тебѣ непріятны эти дѣйствія», продолжалъ онъ, обращаясь къ Метеллу, «сойди прочь съ дороги. Войнѣ не нужна развязная болтливость. Когда я сложу оружіе и заключу миръ, тогда ты можешь вернуться и произносить рѣчи къ народу. Говоря такъ, я поступаю съ своими правами,—какъ ты, такъ и всѣ тѣ, которые возстали противъ меня и попались мнѣ въ руки; мои плѣнники».—О какихъ правахъ говорилъ Цезарь? И кто на самомъ дѣлѣ возсталъ?—Съ точки зрѣнія побѣдителя право на его сторонѣ и обращено противъ побѣжденнаго. Мятежникъ въ его глазахъ не онъ самъ, возставшій на законную власть, а тѣ лица, которые безуспѣшно защищали или безъ боя покинули старую власть. Въ правосознаніи произошелъ сдвигъ. Центуріонъ Цезаря, высказавшійся по поводу рѣшенія Сената, отмѣтилъ только, что на практикѣ физическая сила способна сломить преграду, воздвигнутую закономъ и законной властью, а потому и незачѣмъ съ этой преградой считаться, если есть увѣренность въ себѣ. Но Цезарь почувствовалъ и осозналъ нѣчто другое, болѣе глубокое. На сторонѣ того, кто побѣдилъ, стояло новое право. Старый правопорядокъ не только былъ устраненной побѣдителемъ помѣхой въ личныхъ его начинаніяхъ, но и помѣхой дѣйствію того права, которое несла за собою побѣда. Съ этой

точки зрѣнія дальнѣйшіе поступки Метелла приобрѣтаютъ символическое значеніе.

Сказавъ Метеллу приведенныя слова, Цезарь отпавился къ дверямъ казначейства. Ему не подавали ключей, и онъ послалъ за слесарями, которымъ приказалъ выломать двери. Метеллъ снова противился ему. Нѣсколько человѣкъ стали хвалить за это Метелла. Тогда раздраженный Цезарь пригрозилъ ему смертью, если онъ не перестанетъ надождать ему. «Мальчишка», вскричалъ онъ, «развѣ ты не знаешь, что для меня труднѣе сказать это, чѣмъ сдѣлать?!». Его угроза испугала Метелла. Онъ ушелъ, и всѣ дальнѣйшія приготовления къ войнѣ были кончены Цезаремъ легко и скоро.

Метеллъ боролся и уступилъ. Въ его лицѣ, въ лицѣ священнаго и неприкосновеннаго римскаго народнаго трибуна, потерпѣлъ поражение старый строй и старое право. Въ римской исторіи имѣется разительный примѣръ того, что иногда борьба законными путями и средствами оказывается безсильной и не приводитъ къ успѣшному концу, и въ то же время это нисколько не поражаетъ основъ правопорядка, его правового значенія и дѣйствія. Маріи, узнавъ о ссорѣ между консулами Октавіемъ и Цинной, рѣшилъ вернуться изъ изгнанія, въ которомъ онъ въ это время пребывалъ, собрать войско и двинуться на Римъ. Онъ объявилъ, что даетъ свободу всѣмъ рабамъ. Набралъ войско, онъ присоединился къ Циннѣ. Мятежники заняли Яникульскій холмъ. Что же дѣлалъ въ это время Октавій?—Октавіи, какъ говоритъ Плутархъ, портилъ дѣло не столько своей неспособностью, сколько вредилъ ему строгимъ исполненіемъ законовъ, оставляя вслѣдствіе этого безъ вниманія полезныя мѣры. Многие совѣтовали ему поднять рабовъ, обѣщая имъ права гражданства; но онъ отвѣчалъ, что не намѣренъ рабовъ дѣлать сыновьями отечества, изъ котораго, защищая законъ, заставилъ удалиться Кая Марію. Октавіи Римъ защищалъ крайне неудачно. Непрiятель, по приглашенію Сената, вступилъ въ городъ. Еще до этого Октавіи былъ убитъ подосланными Маріемъ солдатами. Спастись бѣгствомъ онъ не хотѣлъ.

Маріи одержалъ верхъ, но основоположникомъ новаго строя не былъ. Еще не наступилъ въ правосознаніи переломъ. Октавіи былъ убитъ, физическая сила побѣдила, но правопорядокъ сломленъ не былъ. Маріи не былъ носителемъ новаго правосознанія. Время еще не созрѣло. Но когда Метеллъ, исчерпавъ свои возраженія, уступилъ Цезарю и ушелъ, то съ его уходомъ безвозвратно исчезла изъ римскаго правосознанія непоколебимая увѣренность въ силѣ республиканскаго строя. Основы новаго строя были уже заложены. Заговоръ противъ Цезаря, во имя республики, и возглавленный Брутомъ и Кассіемъ и стоившій Цезарю жизни, по существу говоря, былъ уже мятежомъ противъ новой формы правленія. Октавіану а тѣмъ выпало на долю продолжить и закрѣпить дѣло, въ основахъ подготовленное Цезаремъ. Обѣщаніе Октавіана возстановить республику было данью, которую онъ заплатилъ, и самъ быть можетъ искренно, уваженію, окружавшему могучее нѣкогда учрежденіе, но къ тому времени отошедшее въ вѣчность.

Нельзя ли отсюда вывести какихъ-либо заключеній на тѣ случаи, когда возникаютъ опасенія въ прочности существующаго строя въ виду самочинныхъ посягательствъ на него?—Повидимому, можно. Ни

одна личность, какъ бы сильна и одарена духовно она ни была, не завершитъ начатой ею попытки произвести государственный переворотъ, если она не явится выразительницей созрѣвшаго въ народѣ перелома правосознанія. Анархія въ странѣ, намеки въ сторону желательности какого-либо новаго строя, вооруженная сила—все это создаетъ благоприятную почву для всевозможныхъ попытокъ произвести перемѣны въ правленіи. Но если народъ еще крѣпко держится за основы дѣйствующаго правопорядка, то всѣ эти попытки осуждены на неудачу, какъ бы велико ни было въ странѣ недовольство условіями, въ которыхъ протекаетъ во-внѣ и внутри жизнь государства, сколь бы справедливо это недовольство ни было. Время въ такомъ случаѣ еще не потеряно для мирныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ объединенію живыхъ силъ страны въ совмѣстной работѣ къ поднятію народнаго благосостоянія и къ укрѣпленію мощи государства. Если тѣхъ лицъ, коимъ по ихъ положенію о семъ вѣдать надлежитъ, и весь народъ въ цѣломъ воодушевить единый порывъ къ достиженію блага родины, то нѣтъ такихъ силъ, которыя разрушили бы такъ или иначе сложившійся строй.

Б. В. Чрединъ.

СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.

Печатаемая ниже записи являются частью матеріала, собраннаго мною на фронтѣ въ 915—916 годахъ. Я думаю, что эти нехитрыя солдатскія рѣчи о войнѣ и мирѣ, представляютъ и теперь нѣкоторый интересъ. Въ нихъ иногда ярко намѣчена неизбежность всего совершившагося и еще совершающагося.

С. Федорченко.

Война, война, пришла ты для кого и по чайныи, а для кого и нечаянно. Неготовыми кого застала. Ни души, ни тѣла не пристроили, а просто на посмѣхъ всѣмъ странамъ погнали силу сермяжную, а разъяснить—не разъяснили. Жили, молъ, плохо, не баловались, такъ и помереть могутъ не задляча. На нѣмца-то, да съ соломинкой...

Бываютъ чудеса и на войнѣ съ нашимъ братомъ. Что это было, не знаю. Я обезножилъ, отсталъ, да въ канавѣ прилежъ. Думаю, пройдутъ недалече, догнютъ... Лежу и слышу, все идутъ да идутъ... И ночь ужъ къ утру, а я не въ силахъ... Слышу, идутъ и идутъ, все пѣхота. Сапоги такъ гулко отзываются, и очень въ ногу идутъ... Думаю, что это, Господи, вѣдь нѣту здѣсь столько, ужъ не нѣмцы ли... Голову на обочину вытащилъ, смотрю, все саше сколько видно, верстъ на пять, полно упокойниками... Всѣ по частямъ разставлены, въ саванахъ бѣлыхъ... Топотъ слышенъ, а идутъ, какъ туманъ плыветъ, не шелокнутъ... Замеръ я...

Полымя вскинулось синее, побѣгъ парень на свѣтъ, рукою хватъ. Ожегъ цвѣтъ руку, не разжимаетъ парень. Сердце пало, голоса и громъ по лѣсу. И то голоса и громъ, то тишь такая неземная, тоже ровно громъ та тишь глушить. Заплющилъ очи, анъ и скрозъ вѣки видитъ бѣсовъ, видомъ разныхъ. Всѣ до него, а взять не въ силахъ. И пошелъ онъ черезъ огни да воды, черезъ мертвыя пути, черезъ непонятливое

навожде́ние бѣсовское. Въ рукѣ живъ огонь горитъ, палитъ до сердца. Цвѣтъ жданный въ рукѣ горитъ, счастье сулитъ. Неси меня, удачливый, на свое на счастье великое. Подумывай, приказывай, все возьму все тебѣ принесу. Не сманись, парень, на бѣсовскій соблазнъ, не на лихо цвѣтъ мой цвѣтеть. Не губи души ни своей, ни чьей. Сила цвѣтъ тотъ ночной, коль скрозь нежить пронесъ. Счастье, удачество будетъ доброе и тебѣ, и людямъ на радость, на любовь—утѣху сердечную...

Здѣсь скучно безъ птицы. Ребячью пору, не только что побоями, а и птичьей радостью вспомнать можно. Не пустить бывало тятка, ночью по низкамъ, на огородахъ. Кусты-бузина, и самое птичье удовольствіе, ягодникъ кругомъ. Еще и солнца нѣту, а ужъ зашебаршитъ птица по кустикамъ, и голоса пробовать зачнетъ. У нихъ на утрѣ, голоса свое солнце имѣютъ. Такая радость отъ нихъ, не смочь солнцу на тѣ зовы звонкіе не явиться, не выдержать...

Въ тотъ лѣсъ, горшки, что упокойниковъ обмывали, кидали бывало... И много тамъ костяники и грибовъ родило, но никто собирать не хотѣлъ. Сказывали, что и звѣрь, и птица туда помирать удалялись... Смутный лѣсъ былъ. И въ сухоярѣ надъ нимъ туманъ курился, и тлѣномъ тянуло. Ночью и мимо-то ходить боялись... Голоса слышны были, а кто слышалъ, долго послѣ того не заживался...

Не тоскуй, парень, нечего томиться, сколько твоей судьбы уйдетъ—самые пустяки. Молодъ больно. Весь миръ война рушитъ, такъ одна-то душенька, ровно горошинка въ мѣшкѣ, не ворохнувшись до мѣста дождеть. Только жизнь сбереги...

Глотнулъ, больно, жжетъ, и свѣту въ глазахъ не стало, а послѣ, прошель огонь по все по крови, претъ смѣхъ изъ меня, ровно у дитяти малаго, и все худое забыль... Такъ я пить-то и почаль...

Не умѣть такъ наша баба. Ее облапилъ, да и о землю, только съ нею и дѣловъ... А здѣшня, словно птица, на колѣнкахъ сидитъ, и за волосья потреплеть, и за носъ дернетъ, да все щебечетъ, ровно птаха. Занятныя... И рубля не жаль...

Зато видѣлъ ли кто добра отъ жены? И ждать ничего не ждешь, а все обидно душѣ бываетъ. Пока баба новая, не притерпѣлся къ ней, такъ хоть сладость есть. А какъ притрется все по мѣркѣ, такъ только ейную глупость, да душу пустую и видишь. Нѣту у бабы вѣры, ни разума. Только страхъ, да мыши въ головѣ...

Какъ Господь пустилъ солнышко по небу ходить, и смѣхъ сталъ по людямъ цвѣсти. Говорятъ, что и солнцу умереть суждено. И вѣрно, что къ тому идетъ. Ужъ и за мой вѣкъ меньше люди смѣяться стали...

Меня попь позвалъ и говорить: «грѣховъ надѣлалъ ты большихъ. Умнѣ прочихъ, значить, ты и въ отвѣтъ»... Кабы я зналъ, что бѣда будетъ. Шли-то мы, крови въ умѣ не держали... Я парнямъ сразу наказывалъ, не до смерти бить. А спустить такому смердящему никакъ не возможно... А пришли, да бить стали,—пока кричалъ, такъ били что-бъ молчалъ, а какъ замолкъ, такъ какой въ емъ толкъ... Такъ и убили... А въ думѣ того не держали...

Здѣсь и убьешь, по головкѣ глядятъ... Только нѣтъ отъ этого удовольствія никакого... Ужъ чего хуже, душу человѣческую загубить, а ужъ губить, такъ хоть черезъ запретъ... Много легче, какъ совѣстью мучишься. Всей цѣной за грѣхъ-то заплатишь, и нѣтъ его...

Грѣха нѣтъ, по-моему... Коль что я дѣлаю, а Богъ все видитъ, значить въ Его волѣ, допустить ай нѣтъ... Вонъ сынишка въ огонь лѣзетъ, такъ вытащу, да отдеру по задницѣ, а коль увижу, не попущу... А Богъ, Онъ все видитъ... Случится худа, и на то Божья воля... За Богомъ грѣха нѣтъ...

А и есть грѣхъ, такъ и въ орѣхъ. Мнѣ смѣхъ больше, какъ люди грѣха боятся... А вѣдь грѣхъ-то кругомъ. Кабы за все углемъ платили, такъ и въ раю никого бы не было... И святые угодники блоху давятъ, да травку топчутъ...

Бываетъ такъ, только что хорошее съ тобой приключится, письмо получу изъ дому, что все молъ въ порядкѣ, здравствуютъ, да кланяются земно,—душа отпустить, и пошелъ думки думать, да грѣховъ набираться. Нѣтъ, человѣку душу имѣть нужно тугую, притянутую, чтобы объ одномъ душа думала, только такъ и грѣху не быть...

Пустили, и сталъ я смотрѣть звѣрей и птицъ разныхъ. Красота на свѣтѣ несказанная. На птицѣ перье, ровно радуга небесная, и глаза у ней, камни самоцвѣтные. А звѣри таки есть, вѣрить трудно. Вотъ тебѣ левъ, царь звѣрей. Округъ народъ стоитъ, по пустому любопытствуетъ. А тотъ лежитъ, не шелохнется, глядитъ скрозь тебя, ровно ты мѣсто пустое. Свое что видитъ, непохожее. Сила чуется подъ шкурой такая, ровно сталь литая, и тишь его страшная...

Дѣвица, дѣвица, не все цвѣту расти, не все цвѣту цвѣсти. Стоитъ чередъ у дѣвичьихъ воротъ, не быть дѣвицѣ одной да съ косою, а быть дѣвицѣ замужемъ, замужемъ да съ повойникомъ. А какъ цвѣтъ спалъ, родить яблочко, а какъ дѣвица замужъ пошла, родить она дитя малое. Порождать и поростить, вскормить-вспоить, и умомъ исполнить. А Господь не дремлетъ, материнымъ молитвамъ внимлетъ, поидеть дитѣ житье до смерти, а со смерти житье вѣчное. Кака смерть на свѣтѣ, коли есть малы дѣти.

Вотъ, вѣришь не вѣришь, а дышетъ земля. Только не всегда ты къ ней слухъ имѣешь. Жизнь больно округъ шуму дѣлаетъ, некогда ни до чего прислушаться-приглядѣться. А бываютъ дни такіе, и ночи особенныя. Душа оторвется отъ нужнаго, и слышитъ-видитъ, какъ земля живетъ, отдѣльно будто. Колышется травами, водами; паромъ, туманомъ дышетъ, и цвѣтами запахами около живого всего проступаетъ. Свою жизнь земля имѣетъ такую великую, что только чуть на это у человѣка, а знатя никакого. Вотъ думаю, монашеское житіе настоящее, многое разъяснить можетъ, да гдѣ таки скиты есть...

Развѣ жъ убивецъ особенный какой человѣкъ. Стараться для того не много надо. Пришелъ ты до дому, всего нехватка. Ребята съ недокорму парши-вѣютъ, хозяйка усохла, да тебя за ущербъ за всячески поѣдомъ ѣстъ. Брюхо съ голоду день деньской гудитъ. А тутъ злодѣй ночной послѣднюю скотинку свести норовитъ. Ну, какъ поймаешь, такъ въ головѣ, окромя какъ бы того вреднаго со свѣту убрать, ничего и нѣту. Такъ и убьешь...

Время пришло, не о складности какой, да не объ устройствѣ думать. Нѣту силы-мочи человѣчей, что бы ту бѣду-войну истребить. Нѣту той бѣдѣ-войнѣ конца краю. Такъ ужъ тутъ ли думки думать про хозяйство свое, да про удобное житіе какое. Душу обдумай, на томъ свѣтѣ только на ней все и держится. А ужъ на этомъ-то, нашей жизни не быть свѣту радости...

Выдумки, говорю, выдумки вражьи. Душа да душа, а душа въ тѣлѣ хороша. А хорошо тѣло всегда при дѣлѣ. Значитъ, работай, округъ себя смотри, и объ земномъ пекись. А то «душа да душа», а сами ровно свиньи...

Ну и храмъ, ровно курятникъ старый. Ей Богу смѣхъ беретъ, а я сызмальства церкви прилежень. Изба у нихъ—хоромы. И кровати чистыя, и шкапы, и диваны, и посуда, и по садку розы, ровно въ цюрюльнѣ слажены да стрижены. А храмъ—ровно хлѣвокъ. У насъ не то. И тараканъ, и грязница, и духъ густой, ажъ въ носу липнетъ. Наша-то избица—спи до птицы, поѣлъ хлѣбца въ волю—да и въ поле. Зато Богу радѣтели, и Ему домокъ на славу строимъ...

А на войну шофферомъ взяли. До машины сызмальства былъ доходчивъ, а въ Бельги до автомобилей, во какъ наострился... Какъ подвезъ своего до нѣмца, а съ боку кавалеры въ каскахъ, да на нихъ, да рубить... А Григорій, ей Богу не вру, который раненый, втащилъ рукою за воротъ, да подъ ноги себѣ шваркъ, да топтать, да топтать, пока не подохъ... А подохъ, ужъ какъ къ себѣ вернулся, со своимъ-то. Я его сустрѣвши, спрашиваю, какъ рассказалъ,— что жъ ты демократъ, а с... с... выходишь, а не демократъ... Развѣ жъ тебѣ то въ Бельги говорили, что нѣмецъ не человѣкъ, что ты его хуже крысы замучилъ. Такъ драться полѣзъ со стыда...

НЕПРИМИРИМОЕ.

Это не убѣжденіе, не партіи и программы, не образъ только мыслей, а образъ всей души. И какъ образъ души, это гораздо существеннѣе всякихъ партій и программъ, мыслей и убѣжденій. Это—органическое въ васъ, кровное, прирожденное и, какъ таковое, неотъемлемое. «Не могу!.. Не хочу!.. Не приемлю!.. Лучше смерть, чѣмъ пріятіе!.. Погибну, а не допущу!..»

И, Боже, какъ заблуждаются тѣ, кто силу такую приписываетъ «классу», тому или иному социальному положенію, принадлежностью къ тому или иному общественному кругу, кто вообще приписываетъ сложное это и могучее, и таинственное въ моши своей и сложности, причинамъ *только материальнымъ*, видимымъ, а не духовнымъ еще, и главнымъ образомъ духовнымъ, невидимымъ.

Сравнить это можно съ минутами, какія переживаетъ воинъ передъ боемъ, вѣрнѣе, въ самый бой. Тогда, вотъ, такъ же приходитъ невѣдомо откуда рѣшеніе, *категорическое и единое*, зависящее уже не отъ человѣка, а отъ чего-то, что въ человѣкѣ неизмѣримо и могущественнѣе и мудрѣе его самого, что и выводитъ человѣка изъ тупика на дорогу, которая единственно ему въ данный моментъ и нужна и есть его собственная, ни на чьи дороги въ мірѣ не похожая. Тогда тоже твердое является, какъ скала, недвижное, какъ громада скалы—«Не могу!.. Не хочу!.. Не приемлю!..» И воинъ или бѣжитъ назадъ подъ неминуемый разстрѣлъ своихъ же. Или сдается въ плѣнъ для неминуемыхъ, тягчайшихъ мукъ, горчайшихъ поношеній. Или кидается впередъ, чтобы убить или быть убитымъ. Все самое характерное въ человѣкѣ, его, человѣка цѣликомъ опредѣляющее, весь тайный и глубинный складъ его души роковымъ образомъ въ такія роковыя минуты вскрывается. Все самое крайнее, предѣльное и послѣднее выходитъ наружу, встаетъ во весь ростъ.

Вотъ почему историческія эпохи характера рокового, катастрофическаго всякіе грани, предѣлы, послѣднія крайности, послѣднія черты и точки вскрываютъ наиболѣе выпукло и ярко. Вотъ откуда крайности рождаются въ революціи, когда сдвиги человѣческихъ взаимоотношеній дѣлаютъ жизнь похожей на адъ, въ которомъ все рушится, все мятется, все падаетъ, какъ передъ смертью. Вотъ откуда ни «некрайностями», ни «непримиримыми» не могутъ быть дѣятели революціи. Отсюда же тщета и бесполезность, отсюда же и безконечность потугъ къ примиренію, къ «коалиціямъ», къ соглашательству, къ срединности, къ компромиссамъ. Благодаря энергии, настойчивости, благодаря неутомимой и пылкой «волѣ къ миру» со стороны соглашателей и примирителей, соглашеніе какъ будто начинается, враги подають другъ другу руки, «гармонія» созидается. Но не проходитъ недѣли-другой, какъ опять все рушится, друзья отскакиваютъ другъ отъ друга, какъ враги, крайности вновь обостряются, противоположности вновь непримиримы и несомнѣстимы на вѣки-вѣчные...

Несомнѣнно—причины этому материальныя имѣются налицо. Несомнѣнно—революція, взрываясь, вздымается на поверхность со всякихъ низовъ и нотемокъ человѣческихъ всѣ эгоизмы и всѣ «интересы», которые, сталкиваясь между собою, дѣлаютъ ту самую «классовую борьбу», какая, какъ понятіе, какъ объединеніе и теорія, стала въ наши дни обще-

«признанной до банальности. Но что не «интересами» дѣло все исчерпывается,—доказательство, хотя бы въ томъ, что революція даже и достигнувъ уже такой разрухи, какая у насъ сейчасъ, уже докатившись до нашей гибели именно матеріальной, не говоря ужъ о моральной, все-таки преисполнена изумительной безпечности, не съ чѣмъ несравнимаго и непрозвеннаго безумія, легкомыслия, чисто-бредовой, припадочной кошмарности, такъ идеально подтверждающей пророчества Достоевскаго, въ его отнынѣ безсмертныхъ «Бѣсахъ», провидѣвшаго за десятки лѣтъ наши теперешніе дни. Невзирая на всю эту кошмарность, мы не видимъ ни тѣни, ни намека на то, чтобы люди дѣйствительно спасали свои «интересы». Въдъ даже во время пожара, когда все въ дыму и въ полыми, люди, любя свои вещи, жалѣя ихъ страстно, кидаются въ огонь и гибнутъ за нихъ, какъ за живыя существа. Тутъ же, въ нашей борьбѣ, все горитъ и гибнетъ—финансы, торговля, промышленность, земледѣліе, транспортъ, фабрики, заводы, желѣзные дороги, земли и лѣса, города и селы, цѣлыя области, вся Россія, буквально все въ ней—и армія, и просвѣщеніе, и государственность, и мораль, и национальность наша, и вѣра,—и, тѣмъ не менѣе, въ эту именно сторону совершенно нѣтъ у насъ ничего хоть сколько-нибудь примѣтнаго, умнаго, дѣльнаго, ничего истинно одареннаго стоящаго насъ, какъ нации. Значитъ—дѣло не въ интересахъ, не въ матеріальномъ. Тогда въ чемъ же, какъ не въ духовно-таинственномъ, сокрытомъ и невидимомъ?

Когда идетъ борьба интересовъ, тогда идетъ и кипучая вокругъ интересовъ суета. Ориентировка, практичность, приспособляемость, здравый смыслъ во всемъ въ высшей степени. Въдъ интересы матеріальны—это здравый смыслъ прежде всего, математика, вѣрность глаза и руки, дѣловитость, сноровка, опытъ, умѣнье... А между тѣмъ это-то самое у насъ сейчасъ въ послѣднемъ пренебреженіи и поправіи, въ послѣднемъ загонѣ.

Но главное вотъ: усталость наша дошла уже до послѣдней точки. Замученность, истерзанность уже отдѣляетъ насъ отъ смерти только остриемъ игольнымъ. На остріе игольнымъ и жизнь наша, и смерть. И однако—борьба продолжается. Борьба и ненависть, и непримиримость въ полномъ разгарѣ... Уже для взаимнаго истребленія выходятъ не одинъ на одинъ, а полкъ на полкъ, массы на массы. Уже война съ фронта, въ буквальномъ, а не въ фигуральномъ смыслѣ, на тылъ перешла, стала не международной, а междуособною. Не въ нѣмецкой, а въ собственной своей, братской, родной крови вотъ-вотъ захлебнется Россія. И тѣмъ не менѣе къ уступкамъ, къ согласіямъ, къ сговорамъ враги не имѣютъ ни малѣйшей ни охоты, ни склонности. О, даже наоборотъ,—въ *этой-то послѣдней, предсмертной* часъ непримиримость напрягается въ силу поистинѣ нездѣшную, мистически-жуткую и страшную, говорящую намъ о какой-то *предназначенности свыше*, которую намъ не превзойти и не разрѣшить, которую разрѣшить только Богъ.

— Революцію сдѣлали не люди,—сказалъ кто-то, кажется, Родзянко. И мудрѣ этого за всѣ 7 мѣсяцевъ нашей революціи никто про нее ничего не сказалъ.

— Если не люди сдѣлали ее,—дополняетъ мысль Родзянки С. Франкъ,—то не люди и кончатъ.

Да, да! Не люди кончатъ. Не отъ нихъ то *главное*, что движитъ ими, что непримиримость ихъ дѣлаетъ

необоримою. Не въ ихъ власти изжить въ себѣ двѣ силы, извѣчно борящіяся въ природѣ и жизни, извѣчно истребляющія другъ дружку безъ надежды истребить до конца. Проклятъ перевозданный человѣкъ и обрѣченъ навѣки носить въ себѣ два начала въ борьбѣ непримиримой—начало Божеское и демоническое. И въ эпохи, именуемая революціей, какъ бы все для того только и обостряется, являетъ свои концы и грани, предѣлы и крайности, чтобы воочію, путемъ личнаго опыта, убѣдить людей въ непримиримости добра со зломъ и зла съ добромъ извѣчнаго и навѣка.

Революція—это взрывъ старинныхъ, издавна накопившихся залежей какъ зла и скверны человеческой, такъ и добра, и красоты. Залежей, которыя, взметнувшись на поверхность жизни, самоопредѣляются только крайностями, только непримиримостью и раздѣленіемъ. Непримиримость нашего добра со зломъ, раздѣленіе ада нашего отъ рая,—да въдъ это же самое спасительное въ насъ и плодотворящее, самое благодатное и благословенное. Это надо очень понять и очень обстрадать. И только обстрадая глубоко въ сердцѣ, обливая слезами по ночамъ одинокимъ, бессоннымъ и страшнымъ, можно принять эти страданія и благословить...

А. Крандѣвская.

ГЕРЦЕНЬ И НАША РЕВОЛЮЦІЯ.

Три признака особенно наложили свой отпечатокъ на нашу нынѣшнюю революцію.

Это, во-первыхъ, *утопическій социализмъ*. Революція произошла какъ послѣдствие нашихъ военныхъ поражений и нашей военной слабости, но она принесла съ собой везапную и всеобщую вѣру, что она есть революція социальная, хотя, казалось бы, никакого экономическаго основанія для такой вѣры и не было. Хотя «всѣ капиталы нашей промышленности могутъ помѣститься въ карманѣ одного американскаго миллиардера», рабочія массы увѣровали, что насталь моментъ для осуществленія программы-максимумъ соц.-демократической партіи. Хотя наша община при послѣднемъ издыханіи, хотя крупное помѣщичье землевладѣніе за 60 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ разложилось, ничтожно по размѣрамъ и не представляетъ значительной социальной силы, социаль-революционный лозунгъ «земля и воля» возымѣлъ неслыханный успѣхъ въ народныхъ массахъ, вкладывающихъ, конечно, въ него свой собственный не соц.-революционный смыслъ.

Во-вторыхъ, анархическая враждебность къ государству и его принудительнымъ установленіямъ. Мы слишкомъ долго жили въ плохомъ государствѣ и всякое государство привыкли поэтому считать зломъ. Русская революція не только не выработала здоровой государственной идеологіи, она не обнаружила также въ области государственнаго строительства того выдающагося организаторскаго таланта, какимъ отличаются, на примѣръ, народы англо-саксонской расы.

Въ-третьихъ, какъ источникъ или какъ результатъ этой анархии,—*слабовольность правительства*, полное отсутствіе энергии, неумѣніе дѣйствовать, болѣзненный страхъ предъ рѣшительными дѣйствіями и борьбой, которыя требуются отъ всякаго правительства и тѣмъ болѣе отъ революціоннаго.

Въ этихъ трехъ характерныхъ чертахъ: мечтѣ

о социальной революции, анархической враждебности къ государству и его принудительному аппарату, и безвольности, и безхарактерности революционныхъ политическихъ дѣятелей, мы видимъ нѣчто, что напоминаетъ намъ старыхъ знакомыхъ—лишнихъ людей и Рудиныхъ 40-хъ годовъ. Въ новизнѣ этой знакомая намъ старина чувствуется. И никто изъ русскихъ духовныхъ вождей, быть можетъ, столь не современенъ и такъ не близокъ нынѣшней революции, какъ Герценъ.

Социально-политическія идеи Герцена тѣсно связаны съ судьбою революции 1848 года. Онъ ждалъ и съ восторгомъ привѣтствовалъ эту революцію. Первые мѣсяцы ея онъ жилъ какъ бы въ опьянѣніи. Ставши крайнимъ сторонникомъ этой революціи, онъ искренно вѣрилъ, что наступилъ часъ, когда весь социальный строй Европы будетъ пересозданъ на новыхъ социалистическихъ началахъ. Трагедія личной судьбы Герцена (какъ, вѣроятно, и трагедія нашей революціи) есть отраженіе трагическихъ ошибокъ революціи 1848 года.

Революція эта возникла вполне естественно, какъ послѣдствіе глухого и всеобщаго недовольства повсемѣстной реакціей 40-хъ годовъ; произошла она въ обстановкѣ всеобщаго броженія на почвѣ утопическаго социализма. Повсюду пользовались большимъ успѣхомъ идеи мечтательнаго и анархическаго коммунизма. Быстрое развитіе капиталистическаго строя въ передовыхъ государствахъ сопровождалось возникновеніемъ социалистическихъ утопій (сень-симонизмъ, фурьеризмъ, икаріицы, Луи-Бланъ, Прудонъ и т. д.). Многимъ казалось, что человѣчество находится въ предверіи новаго социалистическаго міра. Революція вспыхнула неожиданно, по ничтожному поводу, удалась сразу и съ необычайной быстротой. Въ первые дни повсюду она сопровождалась громаднымъ энтузіазмомъ и всенародной радостью. Но тотчасъ же она приобрѣла социалистическій характеръ. Экономическая и социальная структура общества нисколько не давали основаній къ такому перевороту. Социалистическая демагогія нѣкоторыхъ утопистовъ создала въ первые мѣсяцы иллюзорную видимость, что дѣйствительно революція приобретаетъ социальный характеръ и передастъ власть социалистамъ.

Но идею социальной революции ждало скорѣе горестное и безпощадное разочарованіе. Социальная революція можетъ быть вызвана только экономическимъ развитіемъ. Она не декретируется группою нѣсколькихъ фанатиковъ, живущихъ въ фантастическомъ мірѣ своихъ утопій. Жизнь принимаетъ только то, что органически выросло изъ ея нѣдръ. Социальная революція черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ была подавлена, и въ своемъ крушеніи она увлекла за собой и все революціонное движеніе 1848 года. Когда народъ увидѣлъ, что его зовутъ на путь хозяйственнаго катаклизма, въ область опасныхъ экономическихъ экспериментовъ, онъ испугался послѣдствій всеобщей смуты; революція для него отождествилась съ анархіей и бѣдностью. И потому сразу же возникло контръ-революціонное движеніе. Революція 48 года, начавшаяся въ радости, опьянѣніи и радужныхъ мечтаніяхъ, кончилась среди всеобщаго негодованія, реакціи и опасеній. Послѣ насильственной попытки социальной революціи французскій народъ чуть ли не единогласно и съ восторгомъ принялъ имперію

Наполеона III (7½ миллионъ голосовъ противъ 640 тысячъ).

Это былъ жестокій урокъ исторіи. Но онъ ничему не научилъ Герцена. Крушеніе революции 48 года вызвало у Герцена не раздумье, а яростныя проклятія. Для него Франція изъ великой революціонной и передовой страны превратилась въ пошлую страну мелкихъ лавочниковъ. Европа въ цѣломъ—въ гнилой западъ, въ ветхій міръ, въ политическій трупъ. Онъ призывалъ проклятія на головы народовъ, не захотѣвшихъ социалистическаго рая. У него не было чувства исторіи. Въ связи съ такимъ настроеніемъ у него развилась какая-то жуткая социалистическая эсхатология.

«Европа приближается,—писалъ онъ въ книгѣ «Съ того берега»,—къ страшному катаклизму. Средневѣковый міръ рушится. Міръ феодальный кончается. Политическія и религиозныя революціи изнемогаютъ подъ бременемъ своего безсилія; онѣ совершили великія дѣла, но не исполнили своей задачи. Онѣ разрушили вѣру въ престоль и алтарь, но не осуществили свободы; онѣ зажгли въ сердцахъ желанія, которыхъ онѣ не въ силахъ исполнить. Парламентаризмъ, протестантизмъ, все это были лишь отсрочки, временное спасеніе, безсильные оплоты противъ смерти и вырожденія. Ихъ время минуло. Съ 1849 г. стали понимать, что ни окостенѣлое римское право, ни хитрая казуистика, ни тощая деистическая философія, ни безплотный религиозный рационализмъ не въ силахъ отодвинуть совершеніе судебъ общества.

«Сможетъ ли старая Европа обновить свою осыпавшуюся кровь и броситься стремглавъ въ это необозримое будущее, куда увлекаетъ ее неборимая сила, къ которому она несется безъ оглядки, къ которому путь идетъ, можетъ быть, черезъ развалины отцовскаго дома, черезъ обломки минувшихъ цивилизацій, черезъ поправныя богатства новѣйшаго образованія?»

«Измельчавшая Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искусствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію—лѣтонисей. А тамъ? А тамъ настаетъ весна, молодая жизнь закипитъ на ихъ гробовой доскѣ, варварство младенчества, полное неустойчивыхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство; дикая, свѣжая мощь распадется въ молодой груди юныхъ народовъ, и начнется новый кругъ событій и третій томъ всеобщей исторіи. Основной тонъ его мы можемъ понять теперь. Онъ будетъ принадлежать социальнымъ идеямъ. Социализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой социализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей.

«Проповѣдуйте вѣсть о смерти, указывайте людямъ каждую новую рану на груди стараго міра, каждый успѣхъ разрушенія; указывайте хилость его начинающей, мелкость его домогательствъ, указывайте, что ему нельзя выздоровѣть, что у него нѣтъ ни опоры, ни вѣры въ себя, что его никто не любитъ въ самомъ дѣлѣ, что онъ держится на недоразумѣніяхъ; указы-

вайте, что каждая его побѣда ему же ударъ; проповѣдуйте смерть, какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія».

Въ социаль-революціонизмѣ Герцена особенно поражаетъ отсутствіе всякаго положительнаго политическаго и социального плана. Идеи его неопредѣленны и туманны. Все ограничивается фразами, краснорѣчіемъ и отрицаніемъ. Позитивному уму, ищущему положительныхъ идей и опредѣленныхъ плановъ, нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ читать Герцена. Читая его «Съ того берега», «Письма изъ Франціи и Италіи» и др., можно притти въ отчаяніе: въ этихъ страницахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя написаны съ большимъ краснорѣчіемъ, съ остроуміемъ, а иногда даже съ громадною художественною силою и подлиннымъ подъемомъ чувствъ, вы не найдете ни одной положительной идеи. Онъ все время протестуетъ, критикуетъ, прокликаетъ весь этотъ дряхлый міръ, всю Европу, но ни разу онъ не говоритъ, чего же опредѣленно онъ хочетъ. Социализмъ, новый міръ, свободная личность—все это слова, форма безъ содержанія. Нужно раскрыть ихъ, наполнить содержаніемъ, чтобы они приобрѣли какой-нибудь смыслъ. Напрасно стали бы мы искать у него это. Герценъ—политическій дѣятель безъ ясно сознанаго плана и программы.

Будучи мечтателемъ, живя въ мірѣ своей фантази, Герценъ обратился къ Россіи и въ ней, какъ это ни странно, сталъ искать удовлетворенія своимъ надеждамъ. Разочаровавшись въ народахъ Европы, онъ увѣровалъ, что русскіи народъ призванъ утвердить социалистическую жизнь на землѣ. Здѣсь онъ нашель объектъ для своей странной вѣры въ русской общинѣ.

«Община,—писалъ онъ въ своемъ письмѣ къ Мишле,—спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ императорской цивилизаціи, отъ выкрашенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила до развитія социализма въ Европѣ.

«Какое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ социализмъ до самоотрицанія. Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распутится. Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину; община спасла народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нее въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству. Говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несомнѣнна съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякой неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но не надобно забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнить этотъ недостатокъ. Сельская жизнь образовала рядомъ съ неподвижною, мир-

ной, хлѣбопашенной деревней, подвижную общину работниковъ, артель и военную общину казаковъ».

Социализмъ у Герцена не выработанная экономическая теорія, а мистическая идея. Герценъ не социализмъ оправдываетъ общиной, а общину социализмомъ. Казалось бы, нужно было бы доказать сначала, что община есть прекрасная, жизненная и прогрессивная экономическая и социально-политическая форма, и такъ какъ эта форма социалистическая, то въ этомъ фактѣ видѣть оправданіе социализма, хотя социализмъ форма новая и неиспытанная и разрушающая самыя основы современнаго общества. Вопреки естественному порядку, Герценъ, самую общину, не входя въ детальное ея разсмотрѣніе, оправдываетъ социализмомъ. Община—социалистическая форма. И этого, по его мнѣнію, довольно; никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ ея положительныхъ достоинствъ не требуется.

Отъ Герцена ведетъ свое начало программа соци-революціонеровъ. Печально, но надо признать, что наша революція по тѣмъ идеямъ и теченіямъ, которыя въ ней получили преобладаніе, есть порожденіе неудачнѣйшей и уродливѣйшей революціи 1848 года.

Социалистическая эсхатологія, призывъ къ социальной революціи и мессіанская вѣра въ спасительность русскаго земледѣльческаго примитивнаго коммунизма естественно соединялись у Герцена со склонностью къ анархизму. Онъ не вѣрилъ ни въ какую политическую форму, не только въ монархію, но и въ республику и въ демократію.

«Государственныя формы Франціи и другихъ европейскихъ державъ,—по его мнѣнію,—не совмѣстны по внутреннему своему понятію ни съ свободой, ни съ равенствомъ, ни съ братствомъ, всякое осуществленіе этихъ идей будетъ отрицаніемъ современной европейской жизни, ея смертью. Никакая конституція, никакое правительство не въ состояніи дать феодально-монархическихъ государствамъ истинной свободы и равенства—не разрушая до тла все феодальное и монархическое.

«Республика временнаго правительства, основанная на старыхъ монархическихъ началахъ, была бы вреднѣе всякой монархіи. Она явилась не какъ нелѣпость насилія, а какъ вольное соглашеніе, не какъ историческое несчастье, а какъ нѣчто рациональное, справедливое съ своимъ тупымъ большинствомъ голосовъ и съ своею ложью на знамени. Народъ не вѣритъ теперь въ республику и превосходно дѣлаетъ, пора перестать вѣрить въ какую-бы то ни было единую, спасающую церковь. Религія республики была на мѣстѣ въ 93 г., и тогда она была колоссальна, велика, тогда она произвела этотъ величавый рядъ гигантовъ, которыми замыкается длинная эра политическихъ переворотовъ.

«Будущее, которое гибнетъ, не будущее. Демократія по преимуществу настоящее; это борьба, отрицаніе іерархіи, общественной неправды, развившейся въ прошедшемъ; очистительный огонь, который сожжетъ отжившія формы и, разумѣется, потухнетъ, когда сожигаемое кончится. Демократія не можетъ ничего создать, это не ея дѣло, она будетъ нелѣпостію послѣ смерти послѣдняго врага; демократы только знаютъ (говоря словами Кромвеля), чего не хотятъ; чего они хотятъ, они не знаютъ.

«Дѣйствительнаго творчества въ демократіи—нѣтъ, и потому то она не будущее. Будущее внѣ политики,

будущее носится надъ хаосомъ всѣхъ политическихъ и социальныхъ стремлений и возьметъ изъ нихъ нитки въ свою новую ткань, изъ которой выйдутъ саванъ прошедшему и пеленки новорожденному. Соціализмъ соотвѣтствуетъ назарейскому учению въ римской империи.

«Подчиненіе личности обществу, народу, человечеству, идеѣ—продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ. Всѣ религіи основывали нравственность на покорности, т.-е. на добровольномъ рабствѣ, потому онѣ и были всегда вреднѣе политическаго устройства. Тамъ было насилие, здѣсь развратъ воли. Покорность значить съ тѣмъ вмѣстѣ перенесеніе всей самобытности лица на всеобщія, безличныя сферы, независимыя отъ него. Христіанство, религія противорѣчи, признавало съ одной стороны безконечное достоинство лица, какъ будто для того, чтобъ еще торжественнѣе погубить его передъ искупленіемъ, церковью, отцомъ небеснымъ. Его воззрѣніе проникло въ нравы, оно выработалось въ цѣлую систему нравственной неволи, въ цѣлую искаженную діалектику, чрезвычайно послѣдовательную себѣ. Міръ, становясь болѣе свѣтскимъ или, лучше сказать, примѣтивъ наконецъ, что онъ въ сущности такой же свѣтскій, какъ и былъ, примѣшалъ свои элементы въ христіанское нравоученіе, но основы остались тѣ же. Лицо, истинная, дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени».

Въ нынѣшнемъ соц.-дем. и соц.-рев. большевизмѣ мы постоянно находимъ эти герценовскіе анархическіе мотивы, только вульгарнѣе и пошлѣе изложенные. Вообще нужно сказать, наша революціонная мысль развивалась все время въ значительной степени подъ знакомъ анархизма.

Кромѣ идей и теорій въ революціи, какъ и вообще въ реальной жизни, чрезвычайно важны и тѣ *личности*, которыя проводятъ эти идеи и теоріи въ жизнь. У Герцена и у большинства русскихъ революціонныхъ героевъ, мечтателей о міровомъ переворотѣ, болѣе всего поражаетъ несоотвѣтствіе ихъ безпредѣльныхъ идеальныхъ построеній и моральныхъ силъ ихъ личнаго характера.

Если отъ Герцена, политическаго утописта и революціонера, мы обратимся къ Герцену живому человѣку, мы, вмѣсто народнаго трибуна, видимъ слабого человѣка. Мы ожидаемъ встрѣтить героя суроваго и непреклоннаго характера и находимъ человѣка дряблага, не твердаго въ своихъ чувствахъ, не способнаго на глубокую и неизмѣнную страсть, на подлинно-мужественныя дѣйствія. Вообще въ своей практической дѣятельности Герценъ меньше всего былъ героемъ. Чрезмѣрная чувствительность его не соединялась съ подлинной мужественной энергіей. Въ его трагической автобіографіи «Былое и Думы» предъ нами раскрывается трагедія человѣка со слабыми женскими нервами, а не трагедія человѣка дѣйствія и дѣла. Постоянно чувствуется робость и временами даже жизненная трусливость.

Рудины, Гамлеты изъ Цигровскаго уѣзда, неврастеники, копающіеся въ своей душѣ и боящіеся борьбы, риска, битвы и крови, къ сожалѣнію наши герои. И наша бѣдная революція почти и не выдвинула другихъ типовъ. Все это по большей части не

люди дѣйствія и неустанной работы, а люди лишь красныхъ словъ и крайнихъ теорій. Въ окружающей насъ дѣйствительности мы находимъ безчисленное множество безграничныхъ мечтателей въ фантастическомъ мірѣ, полное незнаніе, невниманіе и даже принципиальное отрицаніе и исторіи, и реальныхъ условий жизни, и требованій нашей грѣшной земли.

Кто хочетъ понять трагедію социальнаго и революціоннаго максимализма нашихъ дней, тому мы посоветуемъ познакомиться и вдуматься въ трагедію жизни Герцена.

А. Пойминовъ.

РАЗГРУЗКА ИЛИ ИЗМѢНЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ.

Въ цѣляхъ смягченія продовольственнаго кризиса въ Москвѣ и главнымъ образомъ въ Петроградѣ предполагается произвести выселеніе значительнаго числа жителей. Поскольку такая эвакуація признается неизбѣжной по военнымъ обстоятельствамъ, именно, съ точки зрѣнія возможнаго занятія города непріателемъ, то означенная мѣра можетъ еще быть оправдана—въѣдъ страшна возможная въ будущемъ паника,—но и въ этомъ случаѣ эвакуація должна предусматривать главнымъ образомъ и прежде всего *цѣлесообразное* выселеніе взрослого рабочаго населенія для производительныхъ работъ. У насъ же выселяютъ *въ первую очередь* такъ называемое непроизводительное населеніе и предоставляютъ ему ѣхать, «куда глаза глядятъ»... Наша доморощенная система эвакуаціи принадлежитъ къ числу тѣхъ экономическихъ и политическихъ абсурдовъ, которыхъ накопилось у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много!

На самомъ дѣлѣ, можно ли себѣ представить при нынѣшней разрукѣ въ желѣзнодорожномъ транспортѣ нѣчто болѣе нецѣлесообразное, чѣмъ наша пресловутая «разгрузка»? Если перевезти вагонъ живыхъ людей, то это составитъ крайне обременительный для желѣзныхъ дорогъ, въ высокой степени срочный и нуждающийся въ постоянныхъ заботахъ въ пути (продовольствіе и отопленіе въ пути, кондукторскій надзоръ и др., страшное количество багажа и проч.) грузъ примѣрно въ 200 пудовъ (исходя изъ общеизвѣстнаго расчета: «сорокъ человѣкъ—8 лошадей»). Между тѣмъ, если бы этимъ сорока пассажирамъ, вмѣсто того, чтобы ихъ гнать, Богъ знаетъ куда, доставили тѣ же двѣсти пудовъ муки въ мѣсто ихъ обычнаго жительства, то они прокормились бы подобнымъ запасомъ, по нынѣшней продовольственной нормѣ въ $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба въ сутки, въ теченіе *пятисотъ дней* (sic!), т.-е. больше года. Ну, а если этихъ 40 несчастныхъ кормить самымъ удовлетворительнымъ образомъ и позволять имъ ѣсть по два фунта хлѣба въ сутки, то они прожили бы на 200 пудовъ муки безъ всякихъ лишеній цѣлыхъ четыре мѣсяца слишкомъ! При нынѣшнемъ состояніи желѣзнодорожнаго дѣла надо подъ строжайшими карами скорѣе *запретить* всякое пассажирское движеніе, не вызываемое государственными нуждами, а не то, что поощрять «разгрузку» столь сомнительнаго свойства. Проѣздъ по желѣзной дорогѣ, да еще въ пассажирскихъ вагонахъ, долженъ впредь допускаться только какъ высокая привилегія въ случаѣ доказанной пользы путешествія для нуждъ государства, хотя бы въ родѣ

того, какъ это было въ товарныя недѣли. А подсчитывалъ ли кто-нибудь, что будетъ стоить невольнымъ переселенцамъ и самому государству вся эта «разгрузка»? Что это будетъ стоить сотни миллионовъ рублей переплаты, не подлежащей ни малѣйшему спору: самый проѣздъ, подысканіе квартиръ въ новыхъ мѣстахъ и по бѣшеннымъ цѣнамъ, распродажа за безцѣнокъ домашней обстановки въ мѣстѣ постоянного жительства или страшно дорогой наемъ квартиры въ прежнемъ и новомъ городѣ, невозможность обучать дѣтей, разлука съ оставшимися членами семьи, отсутствіе возможности получить заработокъ, расходы по устройству новыхъ пекаренъ и т. д., и т. д. Наконецъ, если бы мы перевезли 200 пудовъ муки и дали возможность съѣсть его въ обычномъ мѣстѣ жительства, то никакой вторичной перевозки этотъ грузъ не потребовалъ бы. А всѣ наши 40 эвакуированныхъ рано или поздно вернутся, да еще пожалуй въ періодъ демобилизации, когда желѣзныя дороги несомнѣнно придутъ уже въ полное разстройство.

Итакъ, при нынѣшнихъ условіяхъ перевозить людей вмѣсто того, чтобы перевозить для нихъ продовольственные грузы, есть величайшая нелѣпость, которую только можно придумать. Вспомнимъ только, что перевозка пассажирскаго вагона перемѣститъ при колоссальныхъ расходахъ для публики и государства лишь сорокъ человѣкъ, а простой товарный вагонъ, сравнительно почти не требующій ухода, перевозитъ тысячу пудовъ муки, т.-е. грузъ, способный прокормить двѣсти пятьдесятъ человѣкъ въ теченіе ста дней, если имъ выдавать по два фунта хлѣба въ сутки! Нынѣшнимъ защитникамъ «разгрузки» можно было бы,—если бы это не звучало жестокой ироніей,—порекомендовать, чтобы каждый эвакуируемый совершилъ прогулку въ хлѣбородную мѣстность и немедленно вернулся обратно съ ручнымъ багажомъ по пять пудовъ муки на пассажира: оставьте этихъ пассажировъ послѣ того въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ безъ хлѣбныхъ карточекъ, и они проживутъ безъ нихъ чудеснымъ образомъ, съѣдая по 2 фунта хлѣба въ день изъ привезеннаго ими самими запаса. Это будетъ много дешевле, сытнѣе и ни для кого не обидно, особенно если принять во вниманіе, что пассажирскіе вагоны, занятые нынѣ подъ «разгрузку», все равно обратнo пойдутъ совершенно пустыми, чего конечно не было бы съ обыкновенными товарными вагонами (изъ хлѣбородныхъ то мѣстностей!).

Но не будемъ иронизировать... Мнѣ возразятъ, что все это было бы резонно, но вотъ, молъ, крестьяне не даютъ хлѣба. А почему же тогда крестьяне дадутъ хлѣбъ, если мы приѣдемъ къ нимъ, вѣрнѣе, когда мы приѣдемъ, по общему правилу, не въ самую деревню, а въ губернскіе и болѣе крупныя города хлѣбородныхъ губерній? Почему нашимъ невольнымъ переселенцамъ крестьяне будутъ продавать хлѣбъ въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, а нашимъ агентамъ, посылаемымъ туда для закупокъ, хлѣба не даютъ? И если крестьяне не даютъ хлѣба, то въ этомъ виновата вся наша продовольственная и финансовая политика, и ее-то нужно измѣнить, а не возлагать надеждъ на разгрузку! На первый взглядъ, можно подумать, что мы страдаемъ отъ того, что въ Россіи вообще не достаетъ хлѣба. Но, позвольте, до войны мы, жители столицъ, съѣдали въ среднемъ около 3—4 фунтовъ хлѣба въ день, а сейчасъ насъ держатъ на полуголодномъ пайкѣ въ 1/2 фунта; вывозъ за границу прекратился; урожаи

за все время войны были не плохіе, и у крестьянъ мѣстами имѣются запасы еще 1914—15 гг. Во всякомъ случаѣ, если бы даже все время былъ значительный недородъ, то страдать отъ голода выпало бы главнымъ образомъ на долю *деревень* сѣверныхъ или неурожайныхъ губерній, а никакъ не на долю населенія столицъ. Совершенно невѣрно также думать, что желѣзныя дороги или водные пути *не могли* перевезти необходимыхъ продовольственныхъ грузовъ: имъ ихъ вовсе и не предъявляли въ должномъ количествѣ, и пора перестать безапелляционно всю вину сваливать на желѣзныя дороги!

Такъ, въ какомъ же направленіи необходимо измѣнить продовольственную политику?

II.

Главная причина современной продовольственной разрухи коренится несомнѣнно въ злосчастной системѣ твердыхъ цѣнъ. Я, лично, устно, печатно и официально протестовалъ противъ этой системы съ первыхъ же дней возникновенія столь несообразной идеи, именно, начиная съ іюля 1915 года. Практическое осуществленіе подобной мѣры при нашихъ географическихъ, бытовыхъ, политическихъ и социальныхъ условіяхъ—чистѣйшая утопія, а при неуклонномъ паденіи нашей валюты—явно несправедливая и неизбѣжно влекущая за собою крайне гибельныя послѣдствія мѣра. Если предвидится опасность недостаточнаго производства, то якоремъ спасенія являются повышенныя, а не пониженныя цѣны. Экономическая политика—не магія, и нельзя производить рискованныхъ экспериментовъ. Выясненіе нормальныхъ цѣнъ было необходимо, чтобы дать закупочнымъ органамъ правительства руководящую основу при заключеніи хлѣбныхъ закупокъ съ тѣмъ, чтобы отступленія отъ нормы допускались, по контрольнымъ соображеніямъ, лишь при соблюденіи болѣе сложныхъ формальностей,—и только. Въ угоду борьбы съ «высокими» цѣнами Россія была раздѣлена на многочисленныя сатрапіи со строжайшимъ запретомъ вывоза. Издавна русскій крестьянинъ зимою возилъ на сотни верстъ хлѣбъ на своихъ лошадахъ изъ хлѣбородныхъ губерній въ неурожайныя или бѣдныя хлѣбомъ мѣстности. Запретами вывоза этому былъ положенъ конецъ, и при томъ какъ разъ въ то время, когда желѣзнодорожный транспортъ былъ и безъ того перегруженъ сверхъ мѣры. Въ поискахъ хлѣба по «твердымъ цѣнамъ», органы власти реквизируютъ направо и налево, притомъ не столько у производителей, сколько у посредниковъ-скупщиковъ, чѣмъ былъ окончатѣльно разстроенъ весь *хлѣботорговый* аппаратъ, безъ чего достаточно обильное собираніе хлѣба, производство коего такъ расплыло у насъ, не оказывалось возможнымъ. Реквизировать у производителя—можно еще на худой конецъ, ибо производитель не-такъ то легко откажется отъ своей профессіи, но иное дѣло въ отношеніи посредниковъ-скупщиковъ хлѣба: остались промышлять только злѣйшіе спекулянты, которые, теряя на реквизируемыхъ вагонахъ хлѣба, съ лихвой наживали на убереженныхъ взятками и прочими неправдами погрузахъ. Далѣе наступила вакханалія мѣстныхъ таксъ на продовольственные грузы. Но что можетъ дать такса? Только исчезновеніе продукта, если такса преслѣдуетъ цѣль искусственнаго пониженія цѣны. Одна лишь собственная торговля городскихъ властей для продажи населенію по себѣстои-

мости могла спасти положение. Однако многія самоуправленія предпочитали спокойную работу по части сочиненія всевозможныхъ таксъ (хотя выводы науки, специальное изслѣдованіе Чупровскаго общества, богатый опытъ московскаго и городскаго самоуправления самымъ рѣшительнымъ образомъ говорили противъ), другія—почти ничего не могли подѣлать, ибо при системѣ «твердыхъ цѣнъ» абсолютно ничего закупить было невозможно. Наконецъ, восторжесствовала идея хлѣбной монополіи. Эту мѣру, какъ и систему твердыхъ цѣнъ, можно осуществить съ извѣстной пользой и съ нѣкоторой выгодой для казеннаго сундука, но при непремѣнномъ условіи: если государство располагаетъ закупочнымъ аппаратомъ, способнымъ осуществить закупку по меньшей мѣрѣ 90% всего потребнаго хлѣба. Распредѣливъ закупочныя функции среди существующаго хлѣботорговаго аппарата (по счастью далеко не уничтоженнаго, но лишь отстраненнаго), используя посредничество банковъ, предоставляя отсрочку по воинской повинности и даже возвратъ изъ арміи лицамъ, могущимъ быть опытными агентами хлѣбной монополіи, и порвавъ съ твердыми цѣнами, министерство продовольствія еще могло бы съ нѣкоторыми шансами создать удовлетворительный аппаратъ. Но оно предпочло систему поставки почти *исключительно* чрезъ слабо развитые у насъ кооперативы, да еще уговоры крестьянъ и тщетные призывы къ патриотизму. Въ результатѣ—крахъ всего дѣла. У насъ пытались вызвать поставку крестьянами хлѣба обѣщаніемъ дешевой («по твердымъ цѣнамъ») мануфактуры, желѣза, сахару и т. д. Но развѣ серьезно можно было давать такое обѣщаніе? Мануфактуры въ запасъ нѣтъ и въ условіяхъ нынѣшней войны быть не можетъ. Ее на первое время дали съ большимъ трудомъ на сумму въ 36 милл. рублей по низкимъ, твердымъ цѣнамъ. Неужели у насъ не нашлось достаточно серьезныхъ людей, которые должны были понять, что при наличности у русскаго крестьянства въ данное время около пяти-шести миллиардовъ рублей кредитныхъ билетов¹⁾ сумма не только въ 36 миллионъ, но и въ сотни миллионъ будетъ поглощена съ величайшей легкостью и... абсолютно безъ всякаго эффекта на продажу самаго хлѣба. Я понимаю, что если бы крестьянство *насильственно заставили* заплатить не по пониженной, твердой цѣнѣ за эту мануфактуру, а по цѣнамъ въ стократъ большимъ противъ нынѣ назначенныхъ, или путемъ разныхъ налоговъ въ количествѣ нѣсколькихъ миллиардовъ рублей, то это могло бы повлечь за собою вынужденную распродажу хлѣба по болѣе или менѣе низкимъ цѣнамъ. Но никто не можетъ серьезно рекомендовать насильственныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянству, и всѣ угрозы министерства продовольствія въ этомъ отношеніи ему совершенно не страшны, и внесли только озлобленіе, т.-е. ужасающій вредъ для правильнаго хода продовольственной политики. Мѣстами наблюдается среди крестьянъ возникновеніе ненависти противъ кооперативовъ и «потребилокъ», на которые возложена закупка хлѣба по твердымъ цѣнамъ.

За время войны, и особенно за время революціи, наша валюта обезцѣнилась въ такой колоссальной степени, что смѣшно говорить о ранѣе изданныхъ твердыхъ цѣнахъ. Въ области финансовъ у насъ за

время революціи и до сего дня не принято никакихъ серьезныхъ мѣръ, и мы ограничиваемся безудержнымъ печатаніемъ бумажныхъ денегъ. Хлѣбная монополія ведется изъ рукъ вонъ плохо, а въ главныхъ центрахъ продовольственныхъ управъ всю свою роль сводятъ къ изданію завѣдомо вредныхъ и ухудшающихъ дѣло таксъ или къ печатанію разныхъ карточекъ, начиная отъ карточекъ на хлѣбъ и кончая карточками на картофель, яйца и т. д. Вѣдь должны же знать наши власти, что каждая новая карточка, которую они предписываютъ, является лучшимъ доказательствомъ ихъ полнаго безсилія бороться съ продовольственной разрухой! Если на какой-нибудь продуктъ введена карточка, то тѣмъ самымъ на продовольственный органъ ложится отвѣтственность и задача немедленно приготовить, закупить и доставить такое количество этого продукта, чтобы отпала надобность въ ограниченіи потребленія. А на практикѣ управы спѣшатъ въ такихъ случаяхъ подтвердить таксу и усилить угрозы за нарушение ея, т.-е. вызываютъ только ухудшеніе кризиса. По существу дѣла, у насъ могутъ быть оправданы только сахарныя карточки, ибо сахара производится у насъ недостаточно (однако, тоже не безъ вины правительства, которое усердно давило на цѣны и устранило стимуль къ увеличенію производства), а отчаянію карточки на мясо. Все же дальнѣйшее есть результатъ полнаго неумѣнія и безсилія нашего вѣдомства продовольствія, и вѣдь разъ ужъ введена карточка, то по общему правилу надлежитъ отмѣнять таксу.

Хлѣбная монополія проводилась не только неумѣло, но будущіе историки будутъ характеризовать нашихъ современныхъ дѣятелей продовольствія какъ лицъ, одержимыхъ психозомъ. На самомъ дѣлѣ, въ Петроградѣ на вокзалахъ начали обыскивать багажъ людей, пріѣзжавшихъ (sic) въ городъ, съ цѣлью провѣрки, не привезли ли они съ собою продовольственные грузы. Казалось бы, надо радоваться, если люди привозятъ средства пропитанія и не обременяютъ своими ртами продовольственныя власти. Другой примѣръ. Въ августѣ мѣсяцъ моя служанка возвращалась въ Москву съ полевыхъ работъ изъ Орловской губерніи, гдѣ въ нынѣшнемъ году—хорошій урожай: въ Мценскѣ власти перерыли ея багажъ и нашли у нея десять фунтовъ ржаной муки, которую они немедленно реквизировали, хотя это была мука собственнаго производства. Если бы люди не были одержимы психозомъ, то они скорѣе награждали бы тѣхъ, которые, не обременяя желѣзной дороги, везутъ въ многострадальную столицу продовольствіе въ ручномъ багажѣ, а не грозили бы всяческими карами... Еще хуже поступали тѣ заправилы продовольственнаго дѣла, которые попросту натравливали толпу на нихъ въ чемъ неповинныхъ лавочниковъ, булочниковъ и т. д., хотя эти заправилы кругомъ виноваты сами, не сумѣвъ организовать собственной торговли на городской счетъ изъ городскихъ же лавокъ, тѣмъ болѣе, что государство для подобныхъ цѣлей предоставляетъ широкій кредитъ. По предварительнымъ подсчетамъ, содержаніе органовъ министерства продовольствія обойдется въ 520 миллионъ рублей въ годъ, т.-е. больше, чѣмъ обычно стоило до войны содержаніе всѣхъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства всей России со всѣми ихъ канцелярскими расходами. На пудъ закупленнаго этими органами хлѣба столь грандіозный расходъ ляжетъ, пожалуй, въ цѣлый

¹⁾ См. мою статью въ 126/127 „Торг. Пром. Газеты“ за т. г.

полтинникъ, тогда какъ до войны частные комиссіонеры по скупкѣ хлѣба довольствовались 2 или 3 пайками комиссіи на пудъ.

Проф. Пав. Гензель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТРАДАЮЩАЯ БЕЛЬГИЯ.

Вотъ уже три года, какъ на глазахъ всего цивилизованнаго міра медленной смертью умираетъ Бельгія. Капля за каплей сочится кровь изъ ранъ страдающаго народа. Методично, неуклонно суровый завоеватель по очереди отнимаетъ одинъ за другимъ живые члены отъ замученнаго тѣла. Ужасы террора, пожаровъ, хищеній первыхъ мѣсяцевъ войны нѣмецкія власти пытались оправдывать поголовнымъ партизанствомъ бельгійцевъ. Побѣдивъ, замиривъ «партизановъ», нѣмцы однако не оставили въ покоѣ побѣжденныхъ. Каждый день теперь все новые и новые рассказы бѣжавшихъ, очередные официальные бюллетени бельгійскаго правительства показываютъ, сколько неистощимо искусство порабощенія завоевателя, сколько велико терпѣніе, сопротивленіе маленькаго народа.

Мы знаемъ, какъ годъ тому назадъ, небольшія сѣрыя афишки «приглашали» все годное къ труду населеніе сѣверныхъ провинцій Франціи въ одно прекрасное утро выстроиться съ ручнымъ багажомъ и «провизіей на одинъ день» у дверей своихъ домовъ.

Въ афишахъ этихъ ничего не было сказано, куда, зачѣмъ и за что выселяютъ мирныхъ жителей. Въмѣсто объясненія причинъ послѣдній параграфъ гласилъ: «Всякія разсужденія, касающіяся выселенія—излишни. Всякій, кто посмѣетъ не подчиниться распоряженію, подлежить строжайшему наказанію (Этапная командатура. Лилль, 12 августа 1916 г.)». Не смотря на протесты всѣхъ нейтральныхъ державъ нѣмцы перевели такимъ образомъ въ рабство двадцать пять тысячъ французскихъ гражданъ. Черезъ полгода началось массовое выселеніе въ Германію всѣхъ способныхъ къ труду бельгійцевъ.

— «Всѣ люди отъ 17 до 55 лѣтъ, составляющіе населеніе коммуны Wovre,—оповѣщали нѣмцы,—обязаны явиться на торговую площадь того же города въ 8 часовъ утра (часъ нѣмецкій). Бургомистръ коммуны долженъ быть во главѣ собравшихся. Всѣ должны имѣть контрольныя карточки (Weldekarte). Багажъ разрѣшается только ручной. Всѣ, кто не явятся, подлежатъ высылкѣ этапнымъ порядкомъ на мѣсто работы. Высокій денежный штрафъ и тюремное заключеніе помимо того ожидаетъ ослушниковъ. (Ottignies, 3 января 1917 г. Der Kaiserliche Kreischef Von Nivelles Graf von Schwerin). Съ ранняго утра до поздней ночи,—разсказываютъ бѣжавшіе,—по всей Бельгіи тянулись вереницы людей съ котомками на плечахъ (ручной багажъ разрѣшенъ). Нужно быть повсюду къ сроку. Центральные сборные пункты зачастую находятся очень далеко. Средства передвиженія никакихъ. Все отнято, реквизировано до послѣдней лошади, до послѣдней телѣжки. Подъ дождемъ, въ стужу и непогоду на всѣхъ перекресткахъ бельгійскихъ дорогъ толпятся тысячи неизвѣстно куда и зачѣмъ идущихъ людей. Женщины и дѣти провожаютъ своихъ родныхъ и близкихъ. Нѣтъ ужъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни сословій, ни ранговъ,— всѣ въ одной кучѣ...—Вотъ наконецъ Wovre, сборный

пунктъ. Маленькій городокъ пустъ. Онъ давно наполнину сожженъ, разграбленъ, покинутъ людьми. Повсюду стража. Женщинъ и дѣтей не пропускаютъ въ городъ. Плачь и стонъ стоятъ у этой черты разставаній... Площадь полна народомъ. Мертвая тишина кругомъ. Зданіе школы, гдѣ засѣдаетъ трибуналъ, охраняютъ нѣмецкіе ландштурмисты. Приказъ входитъ по очереди въ зданіе. Никто не двигается съ мѣста... Всѣ, какъ одинъ, обнажаютъ головы и поютъ Брабансонну...

— Ne signez pas, ne signez pas!—кричатъ со всѣхъ сторонъ...

— Насъ «вводятъ» по очереди силой.

— Желаете подписать условія?

— Нѣтъ.

— Налѣво.

Налѣво, значить, въ Германію. Когда дворъ наполняется осужденными, раздается команда: «Маршъ на вокзалъ!..» За городомъ по дорогѣ стоятъ десятки тысячъ женщинъ и дѣтей!..

— Куда, куда?—несется со всѣхъ сторонъ.

Отвѣта нѣтъ на этотъ вопросъ. Тихо, медленно движутся попарно скованные люди...

— Сколько потрясающаго, настоящаго горя знаетъ теперь наша страна. Сколько высокаго стоицизма, челоуѣческаго терпѣнія проявлено за эти послѣдніе мѣсяца нашимъ народомъ,—говорилъ вчера Вандервельде на митингѣ протеста, устроенномъ французской лигой правъ челоуѣка.

— Въ пограничныхъ съ Голландіей городахъ,—говорилъ другой социалистическій депутатъ,—расклеены объявленія, запрещающія жителямъ, подъ угрозой смерти, принимать у себя гостей мужского пола отъ 17 до 55 лѣтъ.

Бельгійцы бѣгутъ изъ своей страны, какъ съ мѣстъ заточенія. Голландская граница окутана колючей проволокой, снабженной электрическими проводами, и каждый день десятки людей находятъ смерть у этой заповѣдной черты. А на ряду съ этимъ нѣмецкая пресса кротко убѣждаетъ «гражданъ»:—«Идетъ зима, безработица растетъ, страна разорена, нужна огромная помощь... Англичане не пропускаютъ сырья, дабы бельгійская промышленность могла стать на ноги, производительныя силы страны гибнуть, а посему свободное отъ занятій населеніе поѣдетъ въ Германію зарабатывать себѣ хлѣбъ»...

И въ то время какъ протестуетъ весь міръ, въ Нивеллѣ и Тюметѣ насильно забираютъ всѣхъ студентовъ университета, въ Жамблу—членовъ комиссіи завѣдующихъ распредѣленіемъ продовольствія, въ Гентѣ «мобилизуютъ» дѣвушекъ аристократическихъ семей, изъ бельгійскаго Люксембурга выселяютъ подростковъ и дѣтей съ ихъ старушками-матерями. Оттуда же отправляютъ на работы сенатора Маньета. Очищаютъ отъ мужского населенія почти всю провинцію Андена, Брабанта; въ Либремонѣ всѣ представители Американско-Испанскаго комитета по оказанію помощи голодающимъ подвергаются той же участи. Американскія газеты сообщаютъ, что уже вывезено около 150 тысячъ, что всѣхъ предназначено болѣе 400 тысячъ.

«Цѣль одна, и эта цѣль ясна—нужно мобилизовать «всѣ силы народа», собрать возможно больше рабочихъ рукъ, собрать ихъ, гдѣ только возможно—со всей откровенностью признается «Кельнская газета» отъ 22 февраля 1916 г.

И вот через некоторое время официальные бюллетени бельгийского правительства ¹⁾ сообщают: По рѣкѣ Энъ, не подалеку отъ фронта, находится около 500 человекъ, высланныхъ изъ Гента. Всѣ по прибытіи на мѣсто отказались работать. Работа, къ которой однако принудили всѣхъ силой,—сооруженіе желѣзнодорожныхъ платформъ для посадки войскъ новостроящейся желѣзнодорожной линіи вблизи фронта.

Въ другомъ департаментѣ, около Лаона, нѣмецкія власти угрожали разстрѣломъ нежелающимъ подписать «контрактъ» на работы. Въ этомъ мѣстѣ сосланные бельгийцы получаютъ: утромъ чашку кофе и $\frac{1}{4}$ ф. хлѣба, супъ изъ свеклы въ обѣдъ и вечеромъ еще чашку кофе безъ хлѣба. (Information Belge).

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ собрано около 5000 фламандцевъ, всѣ, какъ одинъ, совершенно отказались отъ работъ. Ихъ раздѣли и оставили такъ безъ пищи въ теченіе трехъ сутокъ. Начались беспорядки, кончившіеся разстрѣломъ. Среди разстрѣлянныхъ оказался одинъ русскій. (Information Belge).

Къ началу марта въ Гентѣ появились уже раненыя бельгийцы. Эти подневольные труженики рассказываютъ, какъ они принуждены были рыть траншеи подъ огнемъ французскихъ батарей. И все это послѣ того, какъ командующій всѣми военными силами въ Бельгіи на другой же день послѣ паденія Антверпена заявилъ:—«Граждане Бельгіи не разсматриваются нами, какъ военнопленные»...

А 16 октября 1914 г. кардиналу Мерсье было предложено объявить въ церквахъ мирному населенію Бельгіи декларацию за подписью генерала Гюнэ, о томъ, что «мужское населеніе имѣетъ право не бояться быть высланнымъ въ Германію на принудительныя работы ни подъ какимъ предлогомъ»...

— На какомъ же основаніи насильственное выселеніе и режимъ каторжныхъ работъ примѣнены къ мирнымъ гражданамъ нашей страны?—спрашиваютъ сенаторы, депутаты, бургомистры большихъ городовъ въ своемъ коллективномъ прошеніи на имя военнаго губернатора фонъ-Биссинга.

Позволимъ себѣ цѣликомъ привести некоторые образцы изъ отвѣта верховнаго правителя.

«Съ начала войны, говорится тамъ, большая часть бельгийскихъ рабочихъ покинула работу по причинѣ съ одной стороны, недостатка сырья, которое не пропускали наши враги—англичане, съ другой—просто отъ нежеланія работать. А принципы политической экономіи говорятъ, что всякая благотворительность, всякая посторонняя помощь, съ чей бы стороны она ни исходила, всегда ложится бременемъ на общее хозяйство страны, а съ другой стороны, развиваетъ праздность, бездѣліе среди самихъ нуждающихся. За этимъ слѣдуетъ физическое и моральное умирание, не говоря уже о томъ, что квалифицированные рабочіе безъ практики забываютъ свое ремесло. Еще большая опасность грозитъ бельгийской индустріи въ случаѣ мира, когда страна, благодаря всеобщей праздности и лѣни, можетъ остаться безъ умѣлыхъ рабочихъ рукъ. Знайте, граждане, что распоряженія нѣмецкихъ властей всегда покоятся на трезвомъ расчетѣ. Эти мѣры, можетъ быть, нарушаютъ принципъ свободы труда, но зато блюдаютъ интересы коллектива. Конечно, рабочіе, не согласные подписать предложенные нами

¹⁾ Information Belge.

ангажененты, будутъ насильственно высланы въ Германію и лишены заработной платы.»

Le gouverneur général Baron von Bissing.

Этотъ официальный документъ, конечно, не требуетъ комментарій. Но вотъ что необходимо отмѣтить. Если въ Бельгіи царятъ нищета и безработица, то въ этомъ исключительно виноваты завоеватели. Не англійская блокада, не злая воля рабочихъ, а сами нѣмцы приложили всѣ усилія, чтобы поставить страну въ безвыходное положеніе. Они не только не помогли оправиться разрушенному краю, но давили малѣйшее проявленіе мѣстной инициативы, организациіи труда. Достаточно просмотрѣть листы реквизицій, арестовъ, штрафовъ, контрибуцій за одинъ только мѣсяць, чтобы сразу убѣдиться въ этомъ. Далѣе, когда Англія, въ согласіи съ Американско-Испанскимъ комитетомъ, согласилась пропускать предметы первой необходимости и сырье съ условіемъ, чтобы Германія дала официальное поручительство, что она не воспользуется этими продуктами, нѣмецкія военныя власти отказались дать такое поручительство.

Объ этомъ знаетъ весь свѣтъ послѣ доклада въ англійской палатѣ общинъ отъ 24 ноября 1916 г.

Когда затѣмъ крупныя фабриканты, банкиры, благотворительныя общества составили капиталъ, чтобы прійти на помощь безработнымъ, когда уже были готовы и мастерскія, и вспомогательныя индустриальныя школы, нѣмецкія власти закрыли ихъ.

Въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ нѣмецкіе власти реквизировали и тащили въ Германію все, что можно было: лѣсъ, минералы, хлопокъ, шерсть, мѣдь, пока не опустошили страну дотла.

Нѣмцы вывезли въ Германію машины почти всѣхъ большихъ фабрикъ и заводовъ. Главнымъ образомъ американскія машины, которыя нельзя уже было замѣнить. Они закрыли всѣ фабрики и заводы, которые могли конкурировать съ Германіей; прежде всего электрическіе заводы Шарлеруа и огромныя заводы компаніи Cockerill въ Серэнгѣ. Затѣмъ совсѣмъ уже непонятно, почему были закрыты угольныя копи въ Кампинѣ и бумажныя фабрики компаніи Нэй въ Бомбѣ.

Наконецъ, благодаря реквизиціи лошадей, рогатаго скота, сельскохозяйственныхъ машинъ, стало и сложное сельское хозяйство.

Всѣ, и прежде всего, конечно, нѣмцы, знали, что значила для Бельгіи возможность быстрого передвиженія рабочей силы. Каждый день сотни тысячъ рабочихъ ѣздили за 15—20 верстъ отъ своихъ жилищъ. Въдѣ Бельгія—это страна рабочихъ дорогъ. И вотъ, всѣ эти безконечныя узкоколейныя желѣзнодорожныя вѣтки съ ихъ огромнымъ подвижнымъ составомъ давно уже сняты и переброшены на русскій фронтъ для нуждъ тыла арміи.

Задавленная реквизиціями, умерла коммерціа и мелкое ремесло. Мелкіе убржуга и тонкіе мастера по дереву и металлу принуждены были чинить проселочныя дороги, рыть каналы, дѣлать желѣзнодорожныя насыпи.

До сихъ поръ бѣдный голодный народъ принужденъ платить болѣе сорока миллионъ ежемѣсячнаго спеціального военнаго налога.

Ни одна страна, кажется, не была такъ разорена, разграблена, доведена до такого истощенія физическихъ и моральныхъ силъ, какъ Бельгія.

Но бельгийцы не складываютъ оружія и борятся.

Resistance!—вот кличъ, который до сихъ поръ еще всѣхъ объединяетъ.

Ни въ одномъ изъ оккупированныхъ мѣстъ нѣмцы не встрѣтили такого сопротивления, какъ тамъ. Ихъ твердость, стойкость, единодушие въ борьбѣ, могутъ быть вписаны, какъ лучшія страницы, въ исторію народа. Рядомъ съ завоевателемъ, несшимъ съ собою культурные образцы политическаго здраваго смысла, опиравшагося на силу, бельгійцы оказались неразсчитливыми идеалистами. Кто былъ въ первые дни объявленія войны въ Бельгіи, тотъ не можетъ не сказать, что бельгійцы безъ колебаній выбрали свой путь по чувству симпатіи.

Какъ бы ни подрывали вѣру въ искренность идеальныхъ поступковъ въ наше время,—поведеніе страны было подсказано живымъ народнымъ инстинктомъ, не знавшимъ своихъ интересовъ, но уже видѣвшимъ что народъ ждетъ впереди. Въ этомъ случаѣ бельгійцамъ можно позавидовать. Война дала имъ глубоко почувствовать себя, какъ народъ, какъ націю.

Три года прошло, какъ нѣмецкія войска вступили на бельгійскую территорию. Нѣмцы быстро справились съ непокорнымъ сосѣдомъ, но окончательно замирить страну имъ не удалось. До сихъ поръ военные суды выносятъ одинъ за другимъ страшные приговоры по обвиненію бельгійскихъ гражданъ въ измѣнѣ.

Такъ, совсѣмъ еще недавно были приговорены къ смертной казни и разстрѣляны старикъ-художникъ Жво изъ Льежа, отецъ десяти человѣкъ дѣтей, и его сынъ—юноша шестнадцати лѣтъ; Демоть; сѣус-оффисіег 14-го пѣхотнаго полка, отецъ многочисленнаго семейства; Дюшанъ, пианистъ изъ Льежа; Котэ, железнодорожный служащій изъ Намюра; Ванъ-Гуфеленъ, сѣколыщикъ изъ Льежа; Лоррѣ, такъ называемая *la petite française*, за то только, что ни за что не хотѣла сказать при допросѣ своего имени.

Трудно что-либо прибавить къ этимъ потрясающимъ фактамъ. Бельгія страдаетъ, но сопротивляется до сихъ поръ. Бельгія еще не умерла.

Т. Сорокинъ.

Парижъ.

ЛЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ РАЗРУХИ.

Въ статьѣ «Финансовая разруха» мы характеризовали критическое положеніе финансовъ Россіи и основныя причины его.

Гдѣ же выходъ изъ этого тяжелаго положенія? Первый моментъ касается измѣненія народной психологіи. Никогда, кажется, такъ ярко не подтверждалась правильность психологической теоріи государства, какъ въ переживаемый нами революціонный періодъ. Власть покоится не на реальной силѣ. Сила нужна, но эта сила носитъ потенциальный характеръ. Власть реально осуществляетъ свои предначертанія, когда она утверждается на психологическомъ признаніи народной массы. И вотъ эту психологію народа, начинающую отъ буржуазіи, землевладѣльческаго класса и кончая послѣдними низами, эту психологію народа по отношенію къ власти слѣдуетъ, конечно, теперь возсоздать. Необходимо, чтобы населеніе почувствовало, что въ странѣ есть, дѣйствительно, реальная государственная власть. Пока этого нѣтъ, никто не захочетъ въ финансовой области нести тяжелыя жертвы. Не захочетъ этого и владѣлецъ недвижимой соб-

ственности, который каждую минуту трепещетъ за ея судьбу, неувѣренный въ томъ, что власть способна его защитить отъ неправомѣрныхъ посягательствъ какихъ-либо общественныхъ группъ или отдѣльныхъ лицъ. Эти лица, конечно, не будутъ склонны нести свои финансовыя обязанности по отношенію къ государству. То же самое можно сказать относительно торгово-промышленнаго класса. То же фактически мы видимъ и въ крестьянской средѣ; крестьяне во многихъ мѣстахъ сейчасъ совершенно отказываются платить какія бы то ни было подати. Такъ извращенно слагается у нихъ идея о гражданской свободѣ, которой достигло наше государство.

Слѣдовательно, первый моментъ, это—созданіе реальной, дѣйствительной власти, которая могла бы обезпечить правопорядокъ въ странѣ. Тогда, конечно, создастся и другое настроеніе въ финансовой области, создастся возможность требовать выполнения налоговыхъ обязательствъ, создастся возможность и предъявить требованія въ отношеніи займовъ. Однако, одной только психологіи мало. Въдѣ среди 180-милліоннаго населенія, конечно, не всѣ люди сознательно понимаютъ положеніе вещей. Есть элементы, для которыхъ понужденіе, примѣненіе реальной силы необходимо. Въ финансовой области это выражается въ примѣненіи опредѣленныхъ фискальныхъ мѣръ воздѣйствія на уклоняющихся отъ платежа налоговъ. Въ настоящее время эта фискальная система точно также парализована. Не предъявляется никакихъ рѣшительныхъ взысканій. Аппаратъ отсутствуетъ, потому что ни податная инспекція, ни другіе органы финансовой администраціи, ни милиція, наконецъ, не выполняютъ тѣхъ обязанностей, которыя по закону лежатъ на нихъ въ области взысканій всѣхъ налоговъ. Налоги не выплачиваются, и никто объ уплатѣ ихъ не заботится. Слѣдовательно, для фактически неисправныхъ плательщиковъ долженъ быть, конечно, возстановленъ тотъ реальный аппаратъ принужденій, который покажетъ всѣмъ плательщикамъ, что есть, дѣйствительно, твердая, реальная власть, которая можетъ осуществить на дѣлѣ свои велѣнія.

Второй моментъ касается экономики, на которой всегда базируются финансы. Здѣсь вопросъ, конечно, сложнѣе, ибо тотъ національный доходъ и то национальное имущество, изъ которыхъ только и могутъ быть черпаемы ресурсы государственнаго хозяйства, въ настоящее время потрясены и сокращаются въ размѣрахъ. Но если мы можемъ взирать съ какой-либо надеждой на будущее, то только именно въ этой области. Если Россія обречена на обѣднѣніе или если она обречена хотя бы на статическое состояніе, то для нея финансовый тупикъ неизбеженъ. Россія не сможетъ тогда разрѣшить тѣхъ финансовыхъ проблемъ, которыя встанутъ передъ ней послѣ войны. Необходимо значительное увеличеніе ея хозяйственныхъ ресурсовъ. Необходимо, слѣдовательно, повышеніе производительности народнаго хозяйства. Только въ этомъ моментѣ и заключены наши надежды на возможность справиться съ будущими финансовыми требованіями государства.

Кромѣ указанныхъ двухъ основныхъ моментовъ, есть еще одинъ важный моментъ. Это—болѣе рациональная техника въ постановкѣ военныхъ финансовъ. Дѣло въ томъ, что у насъ, къ сожалѣнію, недостаточно использованъ опытъ западно-европейскихъ государствъ, главнымъ образомъ, Германіи. Въ Германіи

чрезвычайно остроумно создана система сочетания краткосрочных займовъ съ займами долгосрочными. Выпускаются краткосрочныя обязательства казначейства, которыми въ значительной мѣрѣ оплачиваются всѣ поставки и обязательства казны, затѣмъ черезъ извѣстные періоды происходитъ выпускъ долгосрочныхъ займовъ, которые консолидируютъ эти краткосрочныя обязательства и снимаютъ ихъ съ рынка. Тогда снова начинаются выпуски краткосрочныхъ обязательствъ и т. д. Благодаря такому взаимоотношенію этихъ двухъ типовъ займовъ и происходило до сихъ поръ финансированіе войны въ Германіи. Правда, для Россіи эта система представляетъ извѣстныя финансовыя трудности, прежде всего потому, что кредитный механизмъ, который облегчалъ процессъ въ Германіи, у насъ скользитъ только по поверхности хозяйственной жизни. У насъ нѣтъ того проникновенія кредитнаго аппарата въ народныя массы, какое замѣчаемъ въ Германіи, но все же мы могли бы въ значительной степени расширить размѣщеніе краткосрочныхъ обязательствъ противъ прежняго. Специалисты исчисляють это размѣщеніе краткосрочныхъ обязательствъ въ размѣрѣ до $4\frac{1}{2}$ миллиардовъ. Мы могли бы размѣстить ихъ въ большемъ масштабѣ и такимъ образомъ облегчить финансированіе войны.

Я не буду останавливаться на вопросѣ о налогахъ. Здѣсь, конечно, приходится признавать справедливость той налоговой безпощадности, о которой заговорили у насъ финансисты и финансовыя дѣятели еще въ 1915 году. Правда, эта финансовая безпощадность въ революціонный періодъ выросла по отношенію къ имущимъ классамъ въ формѣ того необычайнаго, единственнаго въ исторіи, напряженія обложенія, какое мы имѣемъ въ подоходномъ и единовременномъ налогахъ. Но я полагаю, что сама по себѣ эта напряженность не такъ существенна. Въ условіяхъ переживаемого времени имущіе классы могутъ заплатить и 90% дохода 1916 года, даже 100% и больше, потому что въ моментъ, когда страна призываетъ къ величайшимъ жертвамъ, можно эти жертвы, конечно, принести даже за счетъ національнаго капитала. Конечно, это будетъ нѣкоторое напряженіе, нѣкоторый ударъ по народному хозяйству, но ударъ, который въ концѣ концовъ будетъ излеченъ нормальнымъ творчествомъ хозяйственнаго труда.

Однако, дѣло заключается въ томъ, что какъ бы мы ни напрягали винтъ прямыхъ налоговъ, мы все-таки не получимъ тѣхъ миллиардовъ, которые намъ нужны. Если предполагалось первоначально по росписи 1917 года получить отъ подоходнаго налога 130 милл., если мы этотъ налогъ удвоимъ и даже утроимъ и получимъ 300, 400 или даже 500 милл. то что значать эти 500 милл., когда передъ нами—задача собрать 7 миллиардовъ рублей? И вотъ мы должны открыто и добросовѣстно сказать, что если при такихъ условіяхъ имущіе классы должны напрочь свою финансовую платежеспособность до крайности, то также точно въ финансовомъ отношеніи должны принести финансовыя жертвы и широкія народныя массы. По конструкціи русскаго народнаго хозяйства нашъ имущій классъ чрезвычайно слабъ и немногочисленъ, и, конечно, только невѣжественныя агитаторы и ораторы народныхъ митинговъ могли сулить какіе-то миллиарды отъ обложенія русской буржуазіи. Къ сожалѣнію, именно въ силу нашей экономической

отсталости и экономической бѣдности, мы до сихъ поръ вынуждены строить наши финансы въ расчетѣ на обложеніе широкихъ массъ, ибо только эти широкія массы могутъ дать тѣ миллиарды, въ которыхъ нуждается государственное казначество. Доведя прямое обложеніе даже до высшаго напряженія, мы должны въ то же время расширить и развернуть систему косвеннаго обложенія. Совершенно неизбѣжно ввести цѣлый рядъ фискальныхъ монополій, которыя дадутъ намъ возможность къ финансовымъ жертвамъ привлечь и народныя потребительскія массы. Понадобятся, можетъ быть, налоги на ткани и налоги на перевозки, однимъ словомъ, цѣлый рядъ налоговъ, которые, распаваясь и расплываясь на десятки миллионовъ потребителей, тѣмъ самымъ дадутъ возможность получить миллиарды рублей.

Съ другой стороны необходимо, конечно, развитіе и кредитныя операціи. Я указалъ уже на необходимость развитія краткосрочныхъ обязательствъ. Необходимо расширить систему займовъ для того, чтобы исчерпать тѣ свободныя капиталы и тѣ свободныя ресурсы, которыми въ настоящее время страна располагаетъ. Достаточно вспомнить, какія сейчасъ громадныя суммы лежатъ на текущихъ счетахъ въ банкахъ, какія суммы сбережены въ сберегательныхъ кассахъ и кооперативахъ.

Если всего этого не хватитъ, а это въ данный моментъ возможно, потому что народное хозяйство разстроено, обезсилено и ослаблено въ своихъ производительныхъ силахъ и, слѣдовательно, можетъ просто не дать тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя отъ него требуются, то для правительства явится неизбѣжность обратится къ печатному станку. Здѣсь мы сталкиваемся съ очень острымъ и большимъ вопросомъ нашей финансовой политики, съ вопросомъ о нашей бумажно-денежной системѣ. Конечно, можно желать и стремиться, чтобы потокъ бумажныхъ денегъ остановился. Мы говорили еще въ прошломъ и позапрошломъ году о необходимости остановить этотъ бумажный денежный потокъ. И пока этотъ потокъ не превышалъ 10 миллиардовъ рублей, у насъ теплилась надежда, что бумажно-денежное обращеніе можно будетъ возстановить, возстановить полноцѣннымъ золотымъ рублемъ я вернуться къ положенію денежной системы до войны. Но въ настоящее время, когда бумажекъ выпущено болѣе 14 миллиардовъ рублей и когда, несомнѣнно, въ ближайшіе мѣсяцы количество ихъ будетъ еще болѣе увеличено, мы должны оставить всякую надежду на возможность возстановленія бумажно-денежнаго обращенія. Это сознаніе чрезвычайно тяжело и чревато послѣдствіями. Если безнадежно возстановленіе полноцѣннаго рубля, то спрашивается, какой же выходъ изъ этого положенія. Въ настоящее время, слѣдуетъ признать,—никакого реальнаго выхода нѣтъ. Нѣтъ средствъ смягчить или уврачевать это обезцѣненіе. Мы должны пережить періодъ обезцѣненнаго, разстроенаго бумажно-денежнаго обращенія, и всѣ тѣ частичныя палліативы, которыя иногда предлагались для уврачеванія денежной системы, весьма сомнительны. Возьмемъ хотя бы попытку расширить чековое обращеніе, которое при непривычкѣ населенія къ чекамъ не дастъ положительныхъ результатовъ. Однимъ словомъ, ни въ экономической теоріи, ни въ финансовой практикѣ нѣтъ реальныхъ средствъ, которыми мы могли бы уврачевать существующее положеніе. Единственное, что мы

можем желать,—это приостановка дальнейшего выпуска бумажных денег. Эта приостановка, по крайней мере, задержала бы дальнейший рост товарных цен. Если в конце 1916 г. мы могли считать, что обезценен рубль достигло 40—45 коп. золотом, то в настоящее время мы должны это обезцененение определять в 35—30 коп. золотом, т. е. наш рубль имеет покупательную силу в одну треть своей довоенной цены. Если так, то, конечно, крайне желательно расширить те кредитные операции, которые дали бы возможность приостановить дальнейшие выпуски бумажных денег и тем хотя бы несколько спасти страну от дальнейшего стремительного роста товарных цен и остановить дальнейшее обезцененение бумажного рубля. Но если бы этот рост и остановился, все-таки перед нами остается проблема врачевания денежной системы, проблема драматическая оттого, что рубль обезценен до $\frac{1}{3}$ своей номинальной стоимости. Из этого есть один выход и этот выход—девальвация. Девальвация, конечно, не есть очередная задача сегодняшнего дня. Эта задача может осуществляться в определенных экономических условиях, в определенной экономической обстановке, которая отсутствует в настоящее время. Прежде всего необходимо прекратить дальнейший выпуск бумажных денег, необходимо, чтобы эти бумажные деньги зафиксировались на определенном уровне, получили бы совершенно твердый курс, длительный и постоянный, который не колебался бы изо дня в день. Такой момент выбрал у нас, напр., министр финансов Витте, после того как свыше 25 лет курс рубля стоял на определенной высоте. Только в такие устойчивые моменты эта реформа возможна. Сейчас же девальвация невозможна, и потому приходится с печалью и грустью признать в данном случае бессилие финансовой техники врачевать существующее положение, приходится признать неизбежным для нас пережить этот тяжелый период обезцененного, разстроенного бумажного обращения.

Резюмируем наши финансово-философские положения. Прежде всего следует для упорядочения финансов и для предотвращения финансового банкротства создать сильную реальную власть, которая могла бы водворить правопорядок, установить охрану имущества и личности и таким образом обезопасить нормальное течение хозяйственной жизни и, следовательно, нормальное функционирование финансового аппарата. Только при наличии представителей твердой власти по всей территории страны и только при условии, что эти представители будут опираться на реальную силу на местах, эта власть будет реальностью, а не той фикцией, какой она была до сих пор.

С другой стороны, необходимо для врачевания финансов развитие и упрочение народного хозяйства, как основы, питающей финансы. Но представим себе, что создается реальная власть. Если это будет власть внешняя, власть только принудительная, то ведь это значит, другими словами, что надо к каждому гражданину приставить по милиционеру, который будет ему запрещать делать хозяйственные захваты и правонарушения и который будет его тянуть к выполнению определенных финансовых обязательств. Необходимо, чтобы в населении эта власть была психологически обоснована, чтобы она вы-

двигалась не силою принуждения, а сознанием. Здесь и выдвигается момент идейный, момент необходимости развить действительный патриотизм, развить государственное сознание в широких народных массах, довести их до понимания того, что хозяйственные нарушения, невыполнение финансовых обязательств повлекут за собою точно также гибель страны. Настал момент, когда мы, сознающие смертельную опасность России, должны распространять всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами это сознание в широких массах. Все классы русского народа в понимании переживаемого момента должны принести, во имя спасения родины, еще раз не только жизнь, но и имущество, и волю, и знания. Пусть тревожный набат, который говорит о грозящей гибели страны, зазвучит в сердцах всех русских людей и объединит их в общей напряженной работе, направленной на спасение родины.

М. Н. Соболев.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Ликвидация заговора.—Реорганизация власти.—Провозглашение республики.

Заговор ген. Корнилова ликвидирован. Ген. Корнилов и его сподвижники арестованы. В ближайшем будущем предстоит суд над ними, который выяснит все обстоятельства заговора, его цели и мотивы, и покарает виновных. Этот суд должен твориться у всех на глазах, не в застенке, не укрытый от гласности и публичности, как это происходило в политических судах старого режима. При новом строе нельзя идти путем злоупотреблений, сокрытия истины, как это было в пору щегловитовской юстиции, каравшей и миловашей по произволу. Обновленный суд должен произнести нелицеприятное слово...

Из всего происшедшего нужно извлечь должные уроки, надо оздоровить жизнь, избавиться от гнояников, ее заражающих. Происшедшее есть проявление глубокого недуга, которым болел наш государственный организм. Надо стремиться к его излечению, а мы стоим перед новой опасностью, что роковая болезнь будет еще более углублена. «Ликвидацию» заговора стремятся расширить. В «заговор» объявлена повинной вся «буржуазия», все имущественные элементы, все несоциалистические группы и партии. Все эти элементы трактуются, как моральные пособники «заговора», а самый заговор объявлен, как «контр-революционный». Этим стремятся объединить «социалистический фронт» и поставить его в боевую позицию против всех несоциалистических элементов, объявленных «врагами революции». Так «ликвидация» могла бы превратиться в гражданскую войну, которой давно жаждет наш большевизм и максимализм. На пути к этим вождельникам встало Московское Государственное Совещание с его ненавистным «соглашательством», и против «преступного сговора», предотвращавшего гражданскую войну, было проявлено столько злобы. Теперь в руки жаждущих гражданской войны выпал крупный козырь, и они его хотят использовать à outrance. В населении ведется самая беззастенчивая агитация, натравливающая массы на буржуазию, интеллигенцию, офицерство. К Временному Правительству за нейтралитет в период Корниловского движения предъ-

явлены чудовищные векселя, и если оно откажется платить по нимъ, Временное Правительство объявятъ также «контръ-революционнымъ». Московскій «Соціалъ Демократъ» это уже дѣлаетъ.

Въ одномъ уже достигнутъ успѣхъ лидерами большевистской агитации. При реорганизации власти Временное Правительство желало остаться на коалиционной почвѣ. Болѣе того. Правительство находило нужнымъ расширить социальную базу, на которую опирается государственная власть, допустить участие въ немъ не только представителей партій, но и представителей различныхъ социальныхъ группъ. Было предложено включеніе въ составъ Временнаго Правительства представителей торгово-промышленнаго класса. Это отвѣчало тому, что намѣчало Московское Государственное Совѣщаніе. Это былъ правильный шагъ къ укрѣпленію началъ государственности и въ сторону отъ анархій. Министерство считалось совершенно образованнымъ, когда послѣдовалъ протестъ со стороны «организованной революционной демократіи», которая высказалась противъ участія въ министерствѣ представителей партіи народной свободы и крупной буржуазіи. Кадеты и буржуазія объявлены сторонниками «контръ-революціоннаго заговора», и совѣтами на ихъ участіе во Временномъ Правительствѣ наложено veto. Былъ предъявленъ вексель, и по нему состоялась уплата. Коалиционная система въ организациі власти была откинута. Представители партіи народной свободы и крупной буржуазіи не вошли въ составъ министерства. Образовался «Совѣтъ пяти», въ который вошли: А. Ф. Керенскій, М. М. Терещенко, А. М. Никитинъ, ген. Верховскій и адм. Вердеревскій. Это— директорія. Есть ли это разрѣшеніе вопроса о власти, и что особенно важно, о созданіи «сильной и твердой власти», покажетъ ближайшее будущее, но условія, при которыхъ образовалась директорія, не вселяютъ вѣру въ возможность пріобрѣтенія новыми правителями полноты власти. Круги, настаивающіе на передачу всей власти совѣтамъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, явно усилились, заняли господствующее положеніе въ совѣтахъ, и если директорія даже сохранить свое право на держаніе кормила правленія, она едва ли будетъ имѣть возможность поворачивать его на основаніи только своихъ желаній и убѣжденій. При создавшемся положеніи, вѣроятнѣе всего, что директорія будетъ оказываться довѣрие только «постольку, поскѣльку». Все это не сулитъ прочности создавшейся комбинаціи, а необходима сильная власть, которая оздоровила бы жизнь, подняла боеспособность арміи, устранила хозяйственную разруху, смягчила остроту продовольственнаго кризиса. И будущее представляется по прежнему грознымъ и полнымъ осложненій.

Первымъ актомъ новаго Правительства явилось провозглашеніе Россійской республики. Мотивируя этотъ актъ, Правительство говоритъ: «считая нужнымъ положить предѣлъ внѣшней неопредѣленности государственнаго строя, памятуя единодушное и восторженное признаніе республиканской идеи, которое сказалось на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, Временное Правительство объявляетъ, что го-

сударственный порядокъ, которымъ управляется Россійское государство, есть порядокъ республиканскій». Настоящій актъ имѣетъ лишь формальное значеніе. Со времени революціи и паденія царской власти для переходнаго времени формально установился республиканскій порядокъ правленія. Раньше изданіе акта о формѣ государственнаго управления было отнесено къ компетенціи Учредительнаго Собранія, но и теперѣ, съ изданіемъ настоящаго акта Временнымъ Правительствомъ, воля Учредительнаго Собранія отнюдь не связывается и его компетенціи въ этомъ отношеніи не ограничивается. Изданный актъ устанавливаетъ опредѣленный государственный порядокъ для переходнаго времени, и посягательство на него является государственнымъ преступленіемъ. Но въ этомъ отношеніи никакихъ посягательствъ и не ожидалось, такъ какъ, по словамъ самаго Правительства, республиканская идея встрѣтила единодушное и восторженное признаніе.

Настоящій правительственный актъ имѣлъ бы крупное политическое значеніе, если бы за формальнымъ провозглашеніемъ республики слѣдовало укрѣпленіе въ жизни всѣхъ тѣхъ политическихъ установленій и гражданскихъ правъ, которыя республиканскому образу правленія свойственны. Республиканскій образъ правленія совмѣстимъ только со свободнымъ волеизъявленіемъ всего народа и несовмѣстимъ съ безответственнымъ вліяніемъ на правительство случайныхъ группъ и организацій. Республиканскому строю присущи свобода слова, свобода печати, свобода собраний, и онъ оказываетъ правовую защиту этимъ институтамъ. Съ нимъ несовмѣстимы произволъ, захваты, насилие. Этихъ условій у насъ нѣтъ, и новое республиканское Правительство пока безсилно ихъ создать. Изъявлять волю народа у насъ претендуютъ организаціи, само чинно возникшія, при условіяхъ отнюдь не гарантирующихъ за ними правъ высказываться отъ имени народа. Эти организаціи претендуютъ также на исключительное руководящее вліяніе въ управленіи страной. Отсюда исходятъ стремленія нѣкоторыхъ партій пріобрѣтенію всей полноты власти. Такое же по существу стремленіе заключается и въ пресловутой формулѣ «постольку, поскѣльку», выражающей болѣе умѣренное теченіе въ названныхъ организаціяхъ. Нѣтъ въ условіяхъ нашей жизни избытка политическихъ и гражданскихъ правъ и ихъ защиты. Они нарушаются на каждомъ шагѣ. Терпѣть стѣсненія свобода слова и печати. Свободное критическое слово встрѣчается, какъ при быломъ полицейскомъ режимѣ, съ недоброжелательствомъ и нетерпимостью. Какъ раньше, есть мѣстности, гдѣ не можетъ происходить свободнаго обмѣна мнѣній. Отсутствуетъ защита элементарныхъ гражданскихъ правъ, которыя охраняетъ всякій республиканскій режимъ. Происходятъ насилие, противъ которыхъ безсилна дѣйствовать власть. При такихъ условіяхъ провозглашеніе республики имѣетъ лишь формальное, а не политическое значеніе. По существу, все остается по прежнему: порядокъ, при которомъ мы живемъ, далекъ отъ условій свободнаго правового строя.

Н. Горданскій.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.